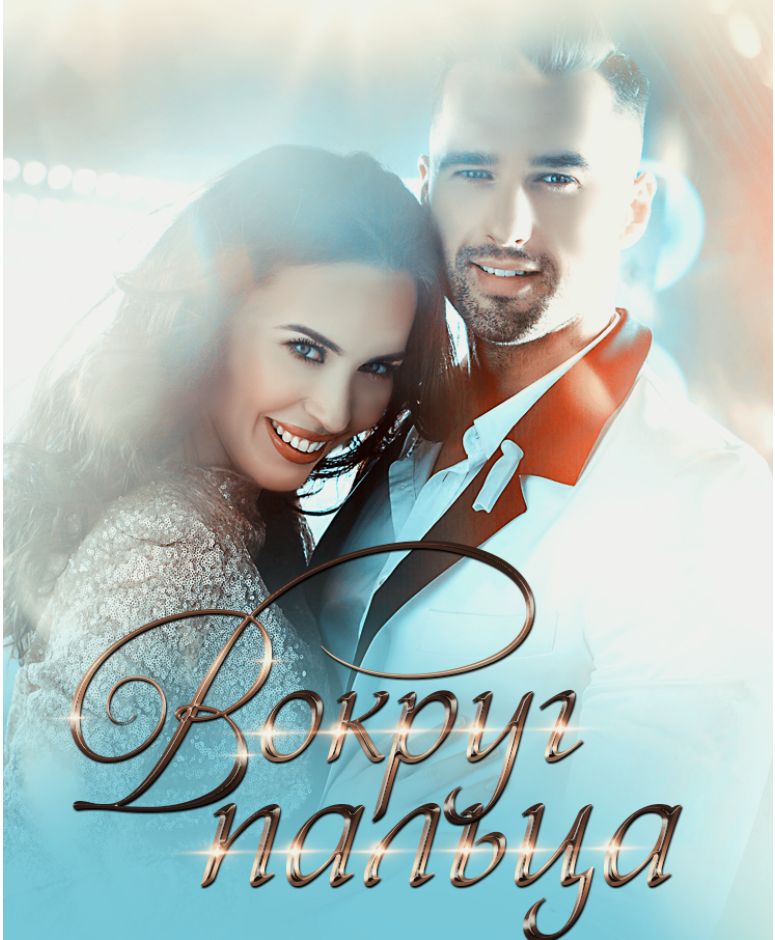
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН



Вокруг пальца

МАРГАРИТА АРДО

Маргарита Ардо
Вокруг пальца
Серия «Из жизни переводчиков»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42654288

Аннотация

Американец, большой босс, бабник, мачо? Ну и что? Главное, сохранить работу. Кризис всё-таки!

Только что делать, если в производственный процесс вмешиваются чувства?

Производственно-юмористический любовный роман.

(Все совпадения имен, событий, названий считать случайными)

Содержание

Пролог 4
Глава 1 10
Глава 2 18
Глава 3 27
Глава 4 33
Глава 5 44
Глава 6 53
Глава 7 69
Глава 8 81
Глава 9 92
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Маргарита Ардо
Вокруг пальца

Пролог

Согласно современным романам, после вчерашнего приличные женщины просыпаются в постели с прекрасным незнакомцем или хотя бы с головной болью и воспоминаниями о нём. Я проснулась на кушетке у подружки, свежа, как огурец, и рассказывать было совершенно не о чем. О вялых дёрганьях толстолобиков под ресторанный шансон всегда лучше умалчивать. А говорили, культовое место…

Я оделась в две секунды. Чуть скривилась отражению в зеркале: честное слово, маленькое, ну очень маленькое обтягивающее чёрное платье с открытой до талии спиной, кокетливые босоножки и сумочка «попробуй впихни кошелёк» никак не подходили для интервью в солидной иностранной компании. Но кто ожидал, что они позвонят в семь утра и пригласят на девять? Даже если б у меня были деньги на такси, я бы всё равно не успела домой – переодеться. Значит, это судьба.

Подружка промычала из спальни:

– Сашунь, дверь сама захлопни!

– Ладно, – ответила я.

В ванной умылась на скорую руку, пригладила руками волосы и вздохнула о потерянной губной.

В автобусе народ косился на меня, мужчины с интересом. Потому что если не принимать в расчёт мой детский рост, то я очень даже ничего: ножки стройные, лицо миловидное, волосы пушистые. Побрызгай водой – вьются. Какой-то парень подмигнул мне:

– Как погуляла вчера, куколка?

Я смутилась и отвернулась к окну. Нет, ну что это за судьбина?! Ждёшь-ждёшь этого момента! Готовишься, скрупулёзно выбираешь строгий костюм на случай, если ответят, а они звонят, когда ты одета, как ночная бабочка… Разве есть у меня шансы? И зачем я согласилась приехать? Но с другой стороны, завтра могут не пригласить. Потому что наверняка не только у меня хватает наглости позвонить директору по кадрам и спросить:

– А вам секретарь, случайно, не нужен? Прекрасный английский. Замечательная адаптивность. Скоростная печать без ошибок на двух языках. Обучаема и находчива.

– Заметно, – пробормотала она и попросила прислать резюме.

* * *

Синее с белым офисное здание на краю города, свежевыкрашенное, сияющее новизной, въезжающие на территорию

машины, одна круче другой; одетые с иголочки менеджеры, побеленные бордюры, цветущие газоны, альпийские горки за шлагбаумом, заставили меня вожделеть это место больше, чем мужчину. Тем более, у меня его всё равно не было!

Чёрт побери, подумаешь платье не то? Я умная, – решила я и, надев на лицо уверенную улыбку, достала паспорт и протянула охране.

– Мне нужен пропуск.

О да, – хотелось добавить, – но не просто пластиковая карточка «Гость», а пропуск в новую жизнь! В такую жизнь! Со сверкающими иномарками, деловыми улыбками, зимним садом в холле, с девушками, как из журнала «Коммерсант», смеющимися с чашками в руках у кафе-бара! С такими симпатичными молодыми людьми в костюмах и проблеском сознания в глазах! И с ощущением, что никакого экономического кризиса на свете не существует!

Я расправила плечи: пусть никто не догадается, что бархатную сумочку я сделала сама, что босоножки подкрашены чёрным лаком для ногтей в нескольких местах, а коктейльное платье сшито на прабабушкином Зингере из бабушкиного концертного платья. Я хочу эту работу! Я могу!

И я ответила улыбкой на улыбку вежливой девушки с ресепшна, а затем лёгкой, но деловой походкой прошла в указанный мне кабинет. Будет мужчина, у меня больше шансов. Ведь мне двадцать три, я очаровательна, умна и сообразительна… Чертовски.

И все они просто жить без меня не смогут! Аминь! – сказала я себе и дёрнула за дверную ручку.

В кабинете сидела блондинка лет тридцати, очень европейского вида. Хоть сейчас в ООН.

– Александра? – удивилась она.

– Да, – бодро сказала я. – Благодарю за приглашение! Я отложила все дела и незамедлительно приехала, потому что работа в вашей компании для меня очень важна. Я закончила ин. яз с красным дипломом и обладаю множеством полезных качеств.

– Что ж, это хорошо. Присядьте. Мне важен ваш уровень английского. Расскажете о себе?

– О да, безусловно, – ответила я ей на языке.

И принялась красочно расписывать свою некрасочную пока карьеру, мои чудесные достижения в университете, работу в местной компании, умалчивая, что директор там был мошенник и до сих пор мне последнюю зарплату не выплатил, представляя нашу захудалую редакцию, как подающего надежды игрока на книжном рынке, готового занять самые прочные позиции, и бутик смешанных брендов, в котором блузочку я могла купить себе, только сложив три зарплаты и отказавшись от еды.

– Мой небольшой по времени опыт работы оказался весьма разнообразным и позволил мне научиться находить подход к сложным клиентам, с успехом решая конфликты, – с энтузиазмом продолжала я.

Кто бы догадался, что под умными словами из интернета скрывались бандиты из Ингушетии, приезжавшие к директору за долгом, и сумасшедший внук вахтёрши, просивший поиграться с компьютером, и нервная жена директора, посылавшая меня в любую погоду за ачмой и следившая, чтобы муж ни с кем ни-ни; и пожилая дёрганная авторша, с криками пытающаяся всучить рукопись о пользе глины, грязи и уринотерапии, и солидные гангстеры, обнажавшие кобуру при примерке пиджаков, и полоумные старички. В общем, перечень был длинным. За эти три года, захватившие учёбу в университете, опыт у меня, и правда, был всепоглощающим. Почти. С противоположным полом не везло.

– Вы действительно хорошо владеете языком, – с удовлетворением заключила блондинка и рассеяно спросила: – А Эксель, Пауэр Пойнт знаете?

– Непременно, – соврала я и не покраснела.

Надеюсь, не проверит…

Мне нужна эта работа! Я тоже хочу новый офис и зарплату не на три месяца позже, и кофе пить с девчонками по утрам в костюмах от Дольче и Габбана! И копейки не считать!

– Хорошо, очень хорошо, – пробормотала европейка. Кажется, она была чем-то озабочена, или даже озадачена. Так обычно выглядят люди, которых огорошили неприятной вестью – чем-то типа «К нам едет ревизор». – Завтра оформите документы. Послезавтра выходите на работу. Ваш английский и опыт находить нужные коммуникации со сложными

людьми будут очень полезны. Оклад вот такой, – она протянула мне бумажку, на которой была нарисована цифра, превышающая всё, что успел мне выплатить мошенник. – Полный соцпакет. Возможны бонусы.

Я чуть не запрыгала от счастья, так захотелось расцеловать эту милую европейку, которая даже забыла представиться.

– А в какой отдел вам требуется секретарь? – поинтересовалась я.

– Не в отдел, – вздохнула тяжело она. – Из штаб-квартиры к нам направляют антикризисного менеджера. Он американец. По-русски не говорит. В России никогда не был. Как нас предупредили, ему нужен помощник, способный работать под давлением и готовый к частым поездкам. Широких взглядов. Вас это не пугает?

– О нет! – воскликнула я. – Я очень стрессоустойчивая! С богатым мировоззрением!

– Прекрасно.

И почти приплясывая, я в своём коктейльном платье бросилась увольняться из пыльной редакции.

Ура! Ура! Урррраа! Меня ждёт новая жизнь! Зарплата! Переговоры! Менеджеры! Приключения! Хочу! Хочу! Хочу!

Увы, я не догадывалась, что в словах европейки тоже имелся скрытый смысл. Даже несколько. Хотя и она меня не совсем поняла…

Глава 1

Утро среды было чудесным. Я почти вприпрыжку бежала на остановку ко времени, указанному на бумажке, выданной отделом кадров. Синенький фирменный автобус притормозил прямо передо мной, и я с гордостью вошла в салон. На виду у соседей, в хмурой, невыспавшейся толпе ожидающих редкое чудо городского транспорта под номером семьдесят восемь. Ещё вчера я тоже пыталась втиснуться в него, вопреки законам анатомии меняя форму тела и застывая в виде зигзагообразной селёдки среди таких же честных тружеников.

Но сегодня я не с соседями по кварталу. Сегодня и, надеюсь, всегда я – одна из них – из умытых, бодрых, хорошо одетых служащих, для которых августовское солнце светит под слоганом «Оле-Ола – жизнь по приколу», разбрызгивает по небу апельсиновые лучи под цвет шипучей Аранты и оседает на зелень росой из бодрящего напитка Брайт, после чего божьи коровки начинают устраивать флай-шоу и бодро кусать пауков.

Я старалась выглядеть посерьёзней, но радость распирала меня изнутри, и я улыбалась так, словно меня снимали для рекламы зубной пасты. Ну как же иначе?! Я ведь, как и все в этом автобусе счастья, имею бэйджик с сине-белой эмблемой «Софт Дринкс Корпорэйтед». Он особенно выделял-

ся на моей высокой груди третьего размера, затянутой, как в доспехи офисной армии, в строгий тёмно-синий пиджак.

Да-да, отныне никаких вольностей в одежде! Юбка по колено, туфли на высоком, но удобном каблуке, белая блузка, затянутые в пучок волосы, минимум макияжа – настоящий секретарь! Очень деловой. С папкой под мышкой и строгим портфельчиком, взятым напрокат у Тани, моей лучшей подруги. Надо же как-то компенсировать первое впечатление!

Но уже в холле я поняла, что оно было неизгладимым. Девушки – те, что позавчера пили латте в кафе-баре – смерили меня надменными взглядами, отвернулись и зашептались. Особенно одна, с круглыми щеками и вздёрнутым носиком, в деловом платье, на высоченных шпильках. В груди моей неприятно заскребло: кажется, она была подружкой подружки жены моего бывшего директора-мошенника, которая всех, кому он улыбался, считала проститутками. А шеф улыбался всем, я – не исключение. Эх…

Но сначала дело! Надо получить ключи. Я познакомилась с милой Люсей с ресепшена.

– Надеюсь, мы подружимся, – сказала я ей.

Та кивнула и подвинула мне журнал. Расписываясь в получении ключа от кабинета номер двести два, я спиной чувствовала, как стреляют взглядами в мою сторону новые коллеги. И шушукаются, шушукаются, шушукаются!

«Что ж, – я набрала в грудь воздуха, – врага надо знать в лицо. И атаковать первой».

Мимо прошли, одарив заинтересованными улыбками, трое менеджеров. И ещё двое. И один, прям совсем с иголочки.

О боги! Кажется, сюда набирают только молодых и симпатичных! А я, глупая, металась по городу, думая: ну, куда же подевались все достойные?! А они тут, оказывается, сосредоточились – Оле-Олу продают! Никто, ничто мне не помешает остаться здесь дольше, чем на три месяца испытательного срока. Они ещё не знают, насколько я им нужна!

И, как Жанна Д'Арк на стену Руанской крепости, я рванула в самую гущу сплетниц. Подумаешь, страшно? Зато я вооружена ключом, бейжиком и улыбкой.

– Привет всем! Давайте знакомиться. Я Александра Лозанина, новый секретарь нового антикризиного менеджера. Очень рада вас всех видеть!

Круглолицая фыркнула, развернулась на своих шпильках и пошла к лестнице со стаканчиком кофе в руках.

– Привет-привет, – сказала блондинка с ехидным лицом и тоже развернулась ко мне спиной.

– Здравствуйте, – поджав губы, сказала леди чуть старше меня с укладкой, в костюме от Прада. – Мне не до знакомств, надо готовить документацию.

За ней и ещё трое рассосались.

Ого, какой тёплый приём!

К счастью, симпатичная пухленькая армяночка и голубоглазая высокая брюнетка с короткой стрижкой нашли в себе

силы улыбнуться.

– Лали, – сказала первая, – я тоже секретарь. Из отдела снабжения.

– А я Рита, – представилась брюнетка. – Отдел продаж, помощник менеджера. Кофе хочешь?

– Хочу, – сказала я. – Это платно?

– Бесплатно, конечно! – рассмеялись девушки. – Всё, что в баре, бесплатно: кофе, печенюшки, автомат с напитками, минеральная вода, шоколадки.

– Здорово! – воскликнула я, решив, что всё-таки это рай.

Кстати, и в Эдемском саду змеи водились. Без них было бы даже неправильно.

– У тебя хороший английский? – спросила Рита.

– Да, вроде бы.

К нам подошёл красавец-шатен лет двадцати пяти, и у меня дух перехватило.

– Знакомься, это Кир, главный по презентациям в отделе маркетинга, – сказала Лали. – А это новенькая, Саша…

Кир глянул на меня, и я, кажется, покраснела. Пробормотала с глупой улыбкой:

– … Александра Лозанина, главная по непонятным антикризисным менеджерам.

– О, полезное знакомство в наши смутные времена! Приятно. Я Кирилл Назаров, – рассмеялся он. Налил кофе и сказал: – Добро пожаловать в компанию! Чувствуйте себя как дома.

У меня даже мурашки по спине пробежали. Я стиснула в пальцах вручённый мне Ритой картонный стаканчик с кофе и пронаблюдала, как Кир уходит к синей двери под золотой табличкой «Маркетинг».

– Он всем нравится, – вздохнув, сказала Лали. – А когда твой шеф приедет?

– Мне сказали после обеда, – очнулась я. – К этому времени нужно раздобыть где-то канцелярию, пароль для компьютера, возможно, сам компьютер… И понять, где тут что. Говорят, у вас есть на территории гостиница, так что надо посмотреть, готов ли номер для моего нового начальника.

– О, ну тогда у тебя дел невпроворот! – сказали девочки и дружно закидали меня советами и ценными указаниями.

А под конец, понизив голос, Рита добавила:

– Говорят, этот новый антикризисник какой-то особенный. Мне коллега из хэдофиса написала. Вывел завод из пике в Румынии, спас от разорения бизнес в Венесуэле, Индии и даже в Китае что-то особенное провернул.

– Угу, спасибо за сведения! – Я захлопала ресницами.

– Только после него обычно вся верхушка слетает. Поэтому вряд ли тебе будет у нас просто, – шепнула Рита. – Скорее всего, наоборот.

– Это я уже поняла, – пробормотала я.

* * *

Поблагодарив за всё, я бросилась работать. И убедилась в сказанном: даже скрепки мне приходилось брать боем. Как обычно, с бейджиком и улыбкой наперевес. Недаром дедушка говорит, что улыбка – моё самое серьёзное оружие. И ещё упорство. Спокойное, такое, терпеливое. Непробиваемое.

Поэтому несмотря на все препоны, когда, наконец, стрелки на часах подползли к двум, всё необходимое было добыто, компьютеры для меня и нового шефа подключены, номер проверен. Я вздохнула удовлетворённо, как Александр Македонский, взявший Персеполис. Разложила на столе ручки, поправила ещё пустые папки.

Сердце стучало – час Икс приближался. Волнение зашкаливало. А вдруг я не пойму его английский? Или не понравлюсь? Или не справлюсь? Нет, не могу не понравиться. Я же так стараюсь! Я не вернусь в пыльную редакцию!

В ответ на мои мысли сплит буркнул, кашлянул громко и затих. Я посмотрела на него, пощёлкала пультом. Включила-выключила из розетки. И замерла в отчаянии: жара лезла в щели. Одна секунда, две, три… Я в панике принялась набирать Риту, которую уже забросала вопросами.

– Тебе нужен Гена из техподдержки, – голосом мученицы сказала она. – Добавочный сто три.

Телефон не ответил. Сотовый тоже. Я побежала в техотдел. Гена отправился в цех. Я кинулась в цеха, где бурлила в котлах Оле-Ола, он ушёл на склад. Увы, Гена, кажется, получил от кого-то приказ – не попасться мне в руки под страхом смерти.

«Не уйдёшь!» – думала я, решительная и взмыленная, как лошадь.

С завода неуловимый Гена проследовал обратно в отдел кадров. На моём же этаже. Ура! Встану грудью на лестнице и не выпущу, пока не починит сплит.

Пересекая парковку перед центральным зданием, я проклинала даже удобный каблук, забытый где-то пиджак и лезущие в глаза пушистые пряди, выбившиеся из пучка. И вдруг со свистом, чуть не сбив, мимо меня пролетел красный джип, резко крутанул и затормозил.

– Совсем обалдел?! Смотреть надо! – выругалась я от испуга.

Дверца распахнулась, и на раскалённый августом асфальт ступила нога в светлой кожаной туфле в дырочку. Я подняла глаза. Передо мной не вышел из авто, а, казалось, высадился с межпланетного истребителя высоченный широкоплечий мачо лет эдак тридцати пяти. Черноволосый, без седины. Джеймс Бонд в самом соку. Точнее, в белых джинсах и рубашке Лакост. С золотыми часищами на запястье и в тонких кожаных перчатках с обрезанными пальцами, как у гонщиков.

Ой…

Мачо с яростью глянул на меня и прикрикнул:

– What the fuck?[1]

Рушники, хлеб-соль, кофе и коньяк на подносе отменялись. Что мне оставалось делать? Реверанс. Я присела слегка, как в балетной школе учили, и включив сияющую улыбку, сказала:

– Welcome to Russia![2]

---

[1] Какого черта?

[2] Добро пожаловать в Россию.

Глава 2

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: передо мной стоял американец. Это был самый американистый американец из всех возможных, словно сошедший с рекламного баннера об американской мечте. При виде него сразу вспомнилась статуя Свободы, жвачка Орбит, агенты ЦРУ из голливудских блокбастеров и ковбой Мальборо. Незнакомец был красив и загорел с тем едва заметным красноватым оттенком кожи, который выдаёт жителя вовсе не Дикого Запада. У него был профиль южанина и раскованность янки. Компания «Софт Дринкс Корпорэйтед» вряд ли могла найти более американское олицетворение своего продукта, чем мистер Джек Рэндалл.

Живые карие глаза мгновенно ощупали мою талию, грудь и колени. А затем он быстро забыл обо мне. Спортивным, до противности уверенным шагом Джек Рэндалл направился к офисному зданию и в кондиционированный холл с жары внёс себя, как подарок. Как «праздник», который «к нам приходит», когда его совсем не ждёшь… Я поторопилась за будущим боссом, на ходу поправляя причёску и оглаживая юбку.

М-да… Судя по лицам турецких представителей топ-менеджмента, столпившихся на балюстраде второго этажа среди гигантских живых пальм и монстер, нагрянул он нечаян-

но и не вовремя.

– Абдурахман! – прогромыхал американец на весь холл басом и сверкнул улыбкой, задрав голову вверх. – Дружище! Рад встрече!

Генеральный директор компании, рафинированный, аристократичный Абдурахман Озур-Оглы, с благородной сединой на висках и тонкими презрительными губами, поприветствовал приезжего более чем сдержанно и пригласил в свой кабинет.

Легко, как теннисист, Джек Рэндалл принял подачу и взбежал по лестнице. А затем и на третий этаж, где обитали «небожители». Там была приёмная генерального, финансового директора, директора по производству и несколько переговорных – из того, что я успела заметить, бегая всё утро по офису, подписывая и переподписывая документы на компьютеры, ручки, папки и так далее.

Я вновь увидела неприветливых девиц. Что же, по крайней мере, в одном мы с моим боссом схожи – нам здесь не рады, но нас это не тревожит. По крайней мере, его. А меня? По правде говоря, очень. Я только мечтаю не обращать внимания на мнение окружающих. Что ж, кажется, теперь мне есть с кого брать пример…

Но рассуждать было некогда: первое впечатление уже испорчено. Надо срочно исправлять остальное.

Все из холла куда-то рассосались. И только вальяжный молодой человек в несвежей шведке с корпоративным сло-

ганом, с чемоданчиком инструментов в руках появился на лестнице второго этажа.

– Люся, – шепнула я, – это, случайно, не техник Гена?

– Ага, это он.

Как хищник на ягнёнка, я кинулась на парня. Подхватила под локоть и решительно потянула за собой, пока он не успел ничего сообразить. Поддавшись моему напору, техник оказался в двести втором кабинете перед сплитом.

– Уважаемый Гена, вот, почините, пожалуйста, – с улыбкой воскликнула я и указала на оборудование.

– Э-э, а вы кто? – Он, наконец, спохватился. – У меня, вообще-то, наряд выписан на починку кофемашины в гостинице. Я туда шёл.

Я захлопнула дверь, чтобы не убежал, и сложила молитвенно руки перед грудью.

– Я Саша, новый секретарь нового менеджера. Спасите меня, пожалуйста, Гена! Это мой первый рабочий день. И очень может быть, что последний. Ведь вы же такой, как мне сказали, замечательный специалист!

Гена приосанился, и выражение лица его изменилось.

– Да? А кто сказал?

– Буквально каждый, у кого я справлялась. Говорят, что никто, кроме вас, в считаные минуты не справится со сплит-системой! А у вас золотые руки…

– Ну, давайте посмотрим, что там стряслось, – сдался Гена.

В тот момент, когда агрегат подмигнул нам зелёной лампочкой и довольно заурчал, распространяя в духоту блаженный холод, в кабинет вошёл мой новый босс.

– Что за столпотворение в моём офисе? – с напором спросил он.

Я улыбнулась так уверенно, как это только могло выйти сейчас, и произнесла:

– Была небольшая проблема. Она устранена. Ничто больше не помешает вам начать работу в комфортной обстановке.

Гена быстро ретировался при виде американца. А последний критически взглянул на меня, явно узнав:

– А ты что тут делаешь, балерина?

– Полагаю, вы Джек Рэндалл, а я ваш секретарь, Александра Лозанина. Сегодня – тоже мой первый день работы в компании.

– Ясно. Зачем здесь второй стол?

– Это мой. Сказали, что пока мы будем располагаться с вами вместе…

Мой пионерский пыл угас при виде проступающего красными пятнами негодования на лице нового босса.

– Вместе, значит?

– Да. Что-то не так?

Он не ответил, пройдясь по просторному, почти пустому кабинету, в котором, на мой взгляд, вполне можно было играть в мини-футбол и уместить десять столов, а не два.

Джек Рэндалл, поджав губы, промерял шагами пространство. Остановился рядом со мной.

И только сейчас я поняла, насколько он огромен. Учитывая атлетический разворот плеч, накачанные руки, мощную шею и рельефную грудь, выпирающую из-под белой рубашки, и мой детский рост и небольшой вес, смотрелись мы рядом, как медведь и котёнок. Вопиюще не сочетаемо. По крайней мере, ощутила я себя приблизительно так. Жуть как неловко… Уж очень давили на меня его размеры. Более того, показалось, что он занял собой весь этот огромный кабинет, и мне тут места нет. Кажется, именно это читалось в его глазах. Но он пока молчал.

Стало страшно. Я запаниковала, чувствуя себя самозванкой, занявшей не по праву чужую должность. Но позволила страху расплескаться лишь на пару секунд. В другую я подумала, что мосты сожжены, я уволилась поспешно и в чём-то некрасиво, редактор обиделся, обратно не возьмёт, да я и не хочу! Потому что не имею права отступать! Мне надо платить за квартиру, за мамины лекарства, в конце концов, за еду! Потому я собралась и сказала как можно более решительно, хотя вышло несколько пискляво:

– Надеюсь, мы с вами сработаемся. Я выясню, как можно решить проблему с кабинетом. Компьютеры подключены к системе. Вот ваш пароль. Вот ключ от номера в гостинице, там всё готово. Девочки-горничные предоставят вам всё, что пожелаете. Вы можете отдохнуть с дороги. Вот ручки, бума-

га, папки, файлы. Хотите кофе?

– Американо. Двойной. Без сахара, – бросил он и хлопнул меня по плечу.

Я почувствовала, что врастаю в ковролин. Ну, и ладно, хоть корнями прорасту. Но не уволюсь. Уже нет никаких сил жить в нищете!

Джек Рэндалл сел за стол, опробовал кресло и так, и эдак, словно гоночную машину. Скривился при виде клавиатуры. Что ж… Я и так выдрала на складе самую классную, буквально зубами. Он постучал пальцами по клавишам и взглянул на меня недовольно.

– Где мой кофе?

И я понеслась. Сначала за кофе. Потом в отдел продаж за отчётами. Потом в маркетинг – туда, где обитал красавец Кирилл, на мгновение позволив голове закружиться. Потом в снабжение и в бухгалтерию. Каждый раз пытаясь разгадать, а затем объяснить новым коллегам, что, собственно, нужно моему боссу.

– Подождите. Нет данных. Придите чуть позже. Почему мы должны вам давать эту информацию? Кто вы такая? – слышалось в ответ.

А я улыбалась всем и вся, показывала бейджик и говорила вежливо-превежливо, но так, словно это было паролем ко всем пещерам Алладина:

– Эти данные нужны антикризисному менеджеру, чтобы улучшить состояние дел в компании. Мы работаем на общее

благо. Простите, я подожду. Извините, я посижу здесь, пока не получу необходимые документы. Я вам немного понадоедаю. Буду очень благодарна…

И делала вид, что так и надо, понимая, что многим хочется сравнять меня с землёй. Но отфутболить не удалось в итоге никому. Увы, мне нужна эта работа. Возможно, я подходила на это место меньше, чем кто бы то ни было, однако босс очень чётко сказал сразу после принесённого кофе:

– Слово «нет» я не знаю. Мне нужно это. Это и это.

И я надоедала. Ждала, просила, таскала кипы распечаток, кофе и шипучую Оле-Олу на второй этаж. А босс, задрав ноги на стол, читал и пил. И курил сигареты одну за одной. Смотрел на меня каждый раз критически, когда я приносила новые документы, почти исподлобья, и, не благодаря, откладывал в сторону.

* * *

Стрелки на часах почему-то двигались всё быстрее, а мои ноги шевелились всё медленнее. Кажется, я умру от голода… Кажется, уехал корпоративный синенький автобус, развозя сотрудников по домам. А идти ночью через пустырь страшно, вчера днём, когда приходила оформляться в отдел кадров, я видела там свору собак. Джек Рэндалл встал, наконец, и бросил мне на стол пачку бумаг:

– Скопировать, подшить, перевести.

Ясно, проблема с тем, как добраться домой, решена. Мне просто незачем туда сегодня ехать…

Представителя американской мечты захотелось послать в сад. Я подняла глаза. Он пытливо на меня смотрел, словно проверял на вшивость.

– Хорошо, – дерзнула я. – Всё будет сделано. Хочу только уточнить один момент. В моём трудовом договоре прописан рабочий день до 18:00. Исходя из этого факта, я не стала отменять частные уроки английского, которые позволяют мне дополнительно зарабатывать в свободное от работы время. Скажите, если я лишусь этого заработка, он будет мне компенсирован в компании?

Джек Рэндалл впервые с любопытством посмотрел на меня:

– Почему бы и нет. Веди таблицу овертайма. И много учеников у тебя?

– Каждый день по два.

– Сколько тебе лет, Александра Лозанина?

– Двадцать три.

Он кивнул.

– Справедливо. Жизнь коротка, а время – деньги. Документы переведёшь завтра.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Кажется, улыбка вышла вымученной. Язык уже заплетался.

Он пронаблюдал, как я собираюсь, не отходя от моего сто-

ла, словно это была сценка в театре или реалити-шоу. И хотя я не раздевалась, а, наоборот, надевала пиджак, мне стало не комфортно. По-моему, босс это понимал, но ему было плевать. Что-то было в нём опасное. Непредсказуемое и притягательное. Как в огне…

Но лучше держаться от него подальше, – подсказал инстинкт. – По мере возможности.

Я заторопилась и вылетела из кабинета. Оказавшись в пустом холле, я с тоской взглянула на синеющие сумерки. Вспомнила о пустыре и стае бродячих собак. Где бы взять палку?..

Вдруг из-за спины послышалось бархатное:

– Саша, вас подвезти?

Я обернулась и увидела вышедшего из маркетинга Кирилла с планшетом под мышкой. Главный по презентациям мягко улыбался, и у меня побежали мурашки по коже. Как же он мне нравился!

– Да, это было бы чудесно! – ответила я по-английски. Спохватилась и перевела на русский.

– Со мной можно и так и так, – рассмеялся Кирилл.

И стало легче дышать. Зачем нужна американская мечта, если есть вот такие, замечательные наши?

Глава 3

У Кирилла, конечно, не было кожаных гоночных перчаток в дырочку, зато были красивые пальцы, уверенно и расслабленно лежащие на руле служебной машины. Вокруг него по салону распространялся аромат приятного спокойствия. Тихо и романтично играло радио. Хотелось, чтобы мы так и ехали, долго-долго по ночной дороге. Хоть всю жизнь…

Увы, Кирилл заговорил:

– Как первый день прошёл?

– Активно. – Я вздохнула.

– А новый босс?

– Большой и требовательный, – улыбнулась я.

Чем дальше мы уезжали от офиса, тем менее страшным казался тот американский медведь. Словно приснился. Правда, в голове звенело от передозировки крепкого запаха сигарет, постоянного переключения с английского на русский и обратно, а в ногах гудело от метания по трём этажам и далее. Очень хотелось разуться.

– Почему, кстати, ему не рады? – спросила я.

– Боятся.

– Есть чего? Кроме медвежьих размеров? – рассмеялась я.

– Как говорят, это самый страшный аудит из всех возможных. Практически инквизитор.

– Орудий пыток я при нём не заметила.

– Если заметишь, предупредишь? – вкрадчиво спросил Кирилл. – Очень не хотелось бы висеть на дыбе…

Я представила его красивое тело в пыточной и содрогнулась. Воображение подсунуло американца с хлыстом и раскалёнными щипцами в другой. Тут же над чёрными волосами добавило багровые рога. И дьявольский хохот.

– Конечно, предупрежу.

– Спасибо! – Он одарил меня очаровательной улыбкой, и я была очарована. – Полагаю, сегодня ты устала, но обещай мне выделить вечер для чашечки кофе в каком-нибудь уютном месте.

Боже, он ещё и заботливый! Я хотела бы прямо сейчас в ресторан, кафе, да даже в кофейню на колёсах… Но надо было держать марку, и я кивнула:

– Да, сегодня надо прийти в себя, но как-нибудь в другой день не откажусь.

– Может, в пятницу?

– Обожаю вечера пятницы, – призналась я.

– Значит, договорились.

Мы помолчали немного, и я решила всё-таки воспользоваться возможностью что-то узнать.

– А почему в руководстве нашей компании только турки?

– Американцы продали франчайзинг турецким партнёрам. Поэтому мы сначала подчиняемся стамбульскому холдингу «Идэс Филзенар», у которого пятьдесят один процент акций нашей фирмы, а уже потом «Софт Дринкс Американ

Боттлерс».

– Если основной процент акций у турок, зачем им бояться американцев?

– Без лицензии и концентрата самого продукта этот офис и весь завод выпускать Оле-Олу не сможет, – сказал Кирилл. – Стоит американцам найти у нас нарушения, и завод можно закрывать. Сотни людей останутся без работы. И мы с тобой.

– Надеюсь, у нас всё будет хорошо. Я так рада, что мне удалось устроиться!

– Ну, значит, ты понимаешь, что кое-что лучше новому боссу не раскрывать. Говорят, ты сегодня всем мозг уже вынесла. Невысока, но напориста.

– Я просто делаю свою работу.

– Ну, иногда её можно делать с меньшим рвением. – Он пожал плечами. – Что-то не найти, что-то не заметить. Видишь ли, в нашем бизнесе, как и во всём мире, американцы диктуют свои условия…

– Как в НАТО.

Кирилл улыбнулся:

– Почти. Ты сообразительная. Молодец! В общем, американцы не понимают и не хотят понимать местной специфики, а её приходится учитывать. Особенно в работе с местными властями… Твой босс уедет, а нам работать дальше. С теми же чиновниками.

Я моргнула. Кажется, он имеет в виду откаты и взятки.

Я не думала об этом, в моей голове слово «коррупция» проскальзывало только в новостях и так – в одно ухо влетело, в другое вылетело… Это, во-первых. Во-вторых, если задуматься, становится ясно, что на самом деле никто не станет проводить аудит вечно. Месяц-два от силы… А меня потом куда?! Это же нечестно – так поступать со мной!

– Мне не сказали, что оформляют временно, – пробормотала я.

– Конечно. Если ты себя хорошо проявишь, после отъезда твоего босса тебя просто переведут на другую должность, – успокаивающе проговорил Кирилл. – Я слышал, как это обсуждали девушки из кадров сегодня в столовой. Конечно, если благодаря тебе этот наглый американец перевернёт всю компанию с ног на голову, об этом вряд ли захочет слышать генеральный директор.

– Абдурахман? Потому что тогда уже никто не сможет гарантировать себе работу?

– Ну да. Ты же умница, всё понимаешь с полуслова, – улыбнулся он.

А мне почему-то стало тошно от этой похвалы. От слова «умница» отчаянно разило дурой.

– Вот мы и приехали, – сказала я, указав на свой дом, одиноко торчащий, как тополь в степи, среди похожего на деревню частного сектора. – Большое спасибо, что довёз, Кирилл!

– Это было приятно, – расцвёл он. – Завтра увидимся!

И я побежала мимо засевших под «грибком» алкоголиков

к подъезду. В палисаднике пахло дурманом, вопили коты. Из окна первого этажа доносилась ругань соседей. С лавочки – гитарное бренчание и матерный шансон.

Я дёрнула за ручку двери и оказалась в обшарпанном подъезде с расписанными стенами. Подошла к лифту и поняла, что начинаю тонуть в раздумьях: чью сторону выбрать, как сохранить работу и лицо. И кто собственно прав, а кто нет. Дома глянула на себя в зеркало в коридоре. Замученная и взъерошенная.

Вот уж не ожидала оказаться сразу между двух огней. Орудием инквизитора. Или… – меня прошибло холодным потом при воспоминании о «широких взглядах» – или его игрушкой. Занятной, отвлекающей от дел… Они же сразу решили меня под него подложить! Гады!

– Доченька, это ты? – Показалось с кухни мамино круглое лицо. Она счастливо улыбалась. – А я сегодня видела целых три серебристых самолётика. Один помахал мне крылом и такой красивый след в небе изобразил. Почти как сердце!

– Ну, главное, что ты рада, мамочка, – вздохнула я. – Только ты же помнишь, мы договаривались, встречать инопланетян ты за город не пойдёшь, да?

– Да. Я им записочку написала, – сказала мама. – Чтобы прилетали за мной на крышу.

– Нет, на крышу не надо. Пусть приходят вечером, познакомятся со мной. И только потом им можно доверять. Мало ли какие это инопланетяне, да, мамочка?

– Да, – кивнула она.

– Ты таблетки пила, зайка?

– Пила.

– Ну и здорово. Есть что-нибудь на ужин?

– Гречневая каша с молоком. Диночка отказалась. У неё снова проблемы с молодым человеком.

Из комнаты сестры послышались забойные аккорды. Да, точно, проблемы. Значит, будет курить всю ночь, слушать металл, пить то, на что денег хватило, и рыдать.

Вот такая у меня весёлая жизнь: инопланетяне, хэви-металл и вечный вопрос, что поесть. Ещё есть счета и долги. Нет, я обязана сохранить работу. Потому что работаю в семье я одна. И вряд ли когда-то будет иначе.

– Ладно, мамусь, пойдём есть кашу и записочку переписывать, ага?

В конце концов, вопрос «быть или не быть» подождёт до завтра, а мамины инопланетяне не подождут…

Глава 4

Утро вечера мудренее, – говорится в сказках. Истинная правда!

С рассветом меня оглоушило мудростью, как холодной водой из жбана. Я бросилась перечитывать Трудовой договор и не обнаружила ни слова о временном положении своей должности. А в интернете на юридических сайтах говорилось о том, что сотрудника не так-то просто уволить после испытательного срока. Требуется три официальных выговора и несоответствие занимаемой должности. А ещё были примеры того, как ничем не примечательные сотрудники отсуживали по подобным договорам у фирм круглые суммы. Это порадовало. Потому что мне претило играть на две стороны. Даже если я начну, через пару дней меня перекроет, и тогда плохо будет и вашим, и нашим, а мне хуже всех. Возможно, я псих. Есть в кого…

Положа руку на сердце, стоило признать один простой факт: меня никто не брал на работу специалистом по промышленному шпионажу и сокрытию данных. При приёме мне было сказано чётко: вы секретарь антикризисного менеджера. Не чванливого Абдурахмана, не очаровательного Кирилла, не одного из этих наполненных собственной важностью турецких менеджеров. А того самого американца по имени Джек Рэндалл. От этого и будем плясать.

В Трудовом договоре чёрным по белому напечатано: исполнять указания руководителя в рамках занимаемой должности. А, значит, я не должна ничего скрывать или не договаривать. Этого нет в моих обязанностях.

Если у кого-то рыльце в пушку, пусть сам и объясняется, ищет пути-решения или обоснования своим действиям. Я ведь не господь Бог и не ангел-хранитель, я всего лишь секретарь. И грош мне цена, если не смогу быть преданным работником одному боссу. Сохраню работу, но потеряю самоуважение. Нет уж, спасибо, не мой вариант! Надо сохранить и то и другое. На всякий случай контакты юрисконсульта по трудовым тяжбам уже отмечены у меня в закладках браузера.

С таким боевым настроем я оделась в брюки, строгую блузку и чёрный приталенный жилет. Туфли без каблука выбрала. Тугой пучок на голове. Ноль косметики.

Пусть видят хитрецы, что я не готова играть роль подстилки. И этот Медведь мечты пусть тоже видит, что я серьёзный сотрудник, а не фигли-мигли. Раз уж я решила хранить ему верность, пусть учится уважать. А то ишь, ковбой Мальборо! Посмотрим ещё, кто из нас хитрее!

* * *

– В юбке было лучше, – сказал вместо приветствия новый босс и уделил пару лишних секунд моему лицу.

Внимательно посмотрел, даже дотошно. Словно это был финансовый отчёт. Так и хотелось сказать: вот такая я без косметики, любуйтесь! Зато по-английски хорошо говорю, а вы по-русски ни в зуб ногой.

– А вот макияж хорош, – заявил он и уселся в кресло. – Где мой кофе, балерина? Вчерашний перевод должен быть готов через два часа.

– Я же не успею…

– Меня это не касается, – буркнул он и уткнулся в монитор.

Деспот и тиран.

* * *

Я строчила перевод, призвав к помощи все словари интернета, потому как половина лексики была для меня незнакомой. А к шефу потянулась вереница ходоков. Благо способных общаться с ним без моей помощи. От меня только требовалось звонить и вызывать то одного, то второго по списку.

Честно говоря, я была рада, что занята переводом не их разговоров, а договора поставки, потому что до моего уха то и дело долетали нецензурные fuck и shit во всех возможных вариациях.

Менеджеры среднего звена из отдела продаж, до которых сегодня дошла очередь, втягивали головы в плечи и начинали оправдываться, даже если оправдываться было не в чем.

Яростный бас американца и безапелляционная уверенность в себе мгновенно сбивали с ног любого, кто переступал порог нашего кабинета. Впрочем, судя по тому, что я услышала, продажи были дрянь даже для периода экономического кризиса.

Мне было не по себе. Казалось, подними я голову от компьютера, и на месте Джека увижу Зевса-громовержца с молнией в руке и подошвами дорогих кожаных туфель под нос посетителю. И зачем нас «поселили» в один кабинет?! Я же к вечеру поседею…

Когда вышел менеджер канала «HoReCa»[3], покрасневший до стадии варёного рака, Джек выругался и стукнул по столу кулаком так, что громыхнуло чем-то ещё. Я вздрогнула и обернулась – степлер слетел на пол. По мне скользнул взгляд раздразнённого быка, готового к бою.

– Договор готов? – спросил Джек.

– Нет, простите, – пролепетала я. – Я скоро закончу, просто встретились незнакомые выражения…

– Фак! – рявкнул он и вскочил с кресла. – Почему вы, русские, только и умеете говорить, почему «нет»? Цветисто и красочно расписываете обстоятельства и условия. Меня это на хрен не интересует! Меня интересует, что вы сделали, чтобы сказать «да»!

– Но два часа ещё не прошло… – заметила я. – И я перевожу.

---

[3] Hotels.Restaurants.Cafes – канал продаж в отели, рестораны, кафе.

Он сжал в кулачище картонный стаканчик, метнул его в стену и снова выругался. Плюхнулся в кресло. Оно сломалось. Джек ушёл чуть ли не с головой под стол, подскочил со своим коронным «вот зе фак» и рыкнул:

– Мне нужно новое кресло. Срочно!

Я побледнела. Вчера с трудом удалось найти это. На складе такая бюрократия.

– Возьмите пока моё.

– Мне своё нужно! – опять повысил голос он.

– Хорошо, сейчас я сбегаю…

– Не хрен ноги стаптывать, звони ответственному!

Я судорожно стала выискивать склад в списке внутренних номеров, набирать, с трудом попадая на клавиши телефона. А Джек бродил по кабинету, как разъярённый медведь. Чтоб его!

– Здравствуйте, у моего начальника сломалось кресло. Нужно срочно новое. Двести второй, у Джека Рэндалла, да… Когда?..

– Сейчас! – навис надо мной Джек.

Мне в ответ недружелюбно буркнули, что это невозможно. И нужно выписывать наряд за подписью руководителя отдела снабжения, бухгалтерии и Абдурахмана. Но, вскинув взгляд на Джека, я поняла совершенно точно, что сейчас мне откусят голову. Без шуток. Не оставалось ничего, кроме как перенять тон шефа и рявкнуть с той же зевсовой яростью в трубку:

– Кресло нужно сейчас! И если оно не будет в кабинете через пять минут, пишите заявление об уходе!

Я шваркнула трубку на серый аппарат, и увидела довольную физиономию перед собой.

– Вот тон, который мне нужен, – сказал шеф победно.

Что?!

– Сохраняй эмоцию, пойдём громить сейлзов[4].

Но видимо уж слишком вытянулось моё лицо, потому что Джек прикрикнул:

– Ты должна не просто переводить мою речь, а повторять мои эмоции, поняла?!

– Да, сэр, – крикнула в ответ я, чувствуя себя новобранцем американской армии.

Где мой автомат, чёрт побери?!

Большие сине-белые часы с логотипом Оле-Ола над холлом показывали 9:30 – время, когда торговые агенты, менеджеры, мерчандайзеры и экспедиторы должны были разъезжаться кто на Фордах и Киях, кто на синих грузовиках в «поля». В отделе продаж унылые, потревоженные слухами, что «всё плохо, а скоро будет ещё хуже» сотрудники были готовы к выезду с накладными, маршрутными картами и прайс-листами, забитыми в КПК. Но не тут-то было.

Мы с шефом ворвались в громадный отдел, как два вихря: ураган Супер-Катрина и Катюшенька. Джек легко вспрыгнул на стул, потом на стол. Я замешкалась только на секунду,

---

[4] сотрудников отдела продаж.

увидела его взгляд и мгновенно взобралась на соседний. Я ничего не теряю, репутация уже где-то под плинтусом.

Около сотни изумлённых глаз взметнулись на нас. И вместе с этим прилив сил и залихватской сумасшедшинки обрушился на меня. Бабах! Да ведь это как на сцене! Я почувствовала себя «Свободой на баррикадах». Кровь забила в висках.

– Братья! – гаркнул Джек.

И я за ним – низким по возможности голосом на русском.

– Я обращаюсь к вам, торговые! – прогрохотал мой шеф чертовски искренне. – Вы мне братья! Потому что я сам – один из вас! Вам говорят, приехал какой-то умник-американец учить вас жить. Завод закрывать. Да ни хрена! Я приехал, чтобы вы жили! Работали! Побеждали! Я знаю, что говорю! Я сам такой, как вы! Я развозил ящики по магазинам. Расставлял по полкам бутылки. Каждый чёртов день! Я прошёл всю дорогу! Как пройдёте её вы! Если не будете говорить, почему «нет»! А скажете «я могу». Вы можете, чёрт меня дери! Я знаю это! Каждое «нет» в магазинах – это чей-то страх! У меня есть силы преодолеть этот страх! У вас есть силы преодолеть этот страх! У каждого! Я вижу по вашим глазам! Я вижу молодых, чертовски сильных и умных парней! И даже пару девчонок, которым надо только добавить драйва, чтобы вернуться вечером с рекордными продажами! Вы можете, я знаю! Кризис?! Да в жопу кризис! Люди пили, пьют и будут пить Оле-Олу! Вспорите мне вены, и вы увидите, там не чёртова кровь, там Оле-Ола! Столько я её выпил

за всю жизнь! И столько продал! И вы сможете! И вы вернётесь сегодня с заказами! И развозить будете, пока не закроется последний чёртов магазин! Потому что людям нужен праздник! И его дарим мы!

Народ зааплодировал.

– Скажете трудно? Да это же чёртово приключение! Чтобы вечером вы сказали: я смог, я победитель! Я буду встречать вас здесь! С заказами! С гордыми лицами! С уставшими, но честными глазами! Потому что я в вас не сомневаюсь! Русские – это сила!

– Ура! – включился и даже заулюлюкал отдел продаж.

– Мы вместе, братья! В наших жилах Оле-Ола!

– Оле-Ола! – повторяли торговые.

Начальник отдела турок Али Челик вылез из своего кабинета и недоумённо хлопал ресницами.

– Всегда Оле-Ола! – выбросил вперёд кулак Джек.

– Оле-Ола! – скандировали торговые, как на рок-концерте.

– Праздник! С нами! Оле-Ола!

– Оле-Ола!

Кажется, все сто с лишним метров площади погрузились в волны энтузиазма с привкусом газированного напитка. Мне тоже хотелось бежать и продавать Оле-Олу, потому что, казалось, это самое классное, что может быть на свете!

Джек спрыгнул со стола и, обхватив здоровенными ладонями мою талию, спустил меня на пол. Люди потянулись

к нему, улыбались, смотрели в глаза. И мне тоже. Он по-свойски кому-то кивал, кому-то «давал пять», кому-то жал руки, ещё красный и переполненный эмоцией. Казалось, он пробил плотину, и на засохшие поля пошла вода. Здорово! И только сейчас я осознала, что повторяла каждое слово, движение, взмах кулаками и интонацию моего сумасшедшего босса. Чёрт, а он умеет заражать!

Мы вышли в холл под восторженный гул, словно с парада победы. Джек показал торговым жест в стиле «Но пассаран» и пошёл наверх. Быстрый, ловкий, спортивный. Одним словом, победитель. И я за ним, отчего-то гордая и сияющая.

Когда дверь за нами в двести второй закрылась, он обернулся и, склонив голову, посмотрел на меня с задорной улыбкой:

– А ты молодец, балерина.

– Спасибо, – разрумянилась я. – Я старалась.

– Вот только не надо опять переходить на полушёпот! – возмутился он. – Почему ты по-русски говоришь нормальным голосом, а по-английски, как чахоточная?

Я опешила.

– Разве?

– Да чтоб мне провалиться!

Я заморгала.

– Наверное, я боюсь сделать ошибку или неправильно подобрать фразу…

Он шагнул ко мне и снова навис с весьма угрожающим

видом:

– Ты что, мать твою, хренова перфекционистка?!

У меня запершило в горле.

– Ну… может быть…

– Так вот. Будешь вот так сипеть и бояться ошибок, уволю на хрен! – Он поднял палец. – Я по-русски не могу ни слова сказать, а ты вон как шпаришь! Ещё бояться, блин! Всё ясно?!

– Ясно, – поражённая, ответила я.

Он повысил тон снова до уровня громовержца:

– Уволю, поняла?!

– Да поняла я! – не выдержала я и рявкнула в ответ.

Он расцвёл, довольный:

– Вот так-то лучше. Теперь я знаю, как ты умеешь.

В этот момент в кабинет постучали, и усатый дядечка в рабочем комбинезоне показался в дверях:

– Это сюда кресло доставить? Или не сюда?

– Сюда, – ответила я грозно. – Старое убрать и починить. Да поскорее.

– А накладную?

– Потом получите.

Дядечка понял, что шутки плохи, промелькнул ужиком, мгновенно заменив кресла. Кстати, новое принёс гораздо лучше прежнего. Дверь за рабочим закрылась, осторожно и уважительно.

Джек уселся и снова покачался, приладил высоту. Глянул

на меня, удовлетворённый, как стянувший мясо кот.

– Молодец, балерина. Быстро учишься. Кстати, до сдачи перевода у тебя осталось уже двадцать минут.

– Ффак, – буркнула я себе под нос.

А он, негодяй, услышал и раскатисто захохотал.

Глава 5

Я положила распечатанный договор секунда в секунду. Гордая тем, что успела.

Шеф пробежался глазами и сразу ткнул пальцем:

– Опечатки.

– Зато вовремя. И смысл точен. Ведь вам нужно «не почему нет, а почему да», – парировала я.

– Ах ты ж, балерина! – восхищённо сказал он.

– Александра, – поправила я, ещё не отошедшая от боевого запала после нашего с ним выступления.

– Александра? Ну уж нет. В крайнем случае, Сандра. Но «балерина» мне больше нравится.

Я поджала губы: вот наглая рожа. Но ничего не сказала, всё-таки он босс, а я на испытательном сроке.

И целых полчаса после прошли спокойно. Однако стоило мне выйти из кабинета и спуститься в холл, я тут же почувствовала, что всё изменилось.

Нет, та круглощёкая секретарша Абдурахмана, бледнолицая леди из бухгалтерии и блондинка из кадров по-прежнему воротили нос. Но народ попроще и пониже рангом теперь смотрел на меня с любопытством. Некоторые даже улыбались! Оказывается, вести о выступлении на столах облетели если не весь завод, то весь офис в течение этого часа. Ну да, секретари и операторы отдела продаж не разъехались же

вместе с торговыми…

– А что, правда, Саша, ваш шеф сказал, что у него в венах Оле-Ола? – зашушукались с восхищением девочки-официантки в кафе-баре.

– Да, так и сказал, – улыбнулась я.

– Он тебя заставил на стол влезть? – подошла Лали.

– Нет, я сама. Надо же соответствовать.

– Обалдеть! Я думала, приврали…

– Александра, а ваш шеф всё время матерится? – спросила неизвестная пока мне девушка с короткой рыжей гривой. – Я Инна, кстати, оператор в продажах.

– Очень приятно. Да, почти.

– Ты, говорят, суперски переводишь, – подошёл полный юноша в очках, – я Дима, из маркетинга.

Волей-неволей я почувствовала себя почти звездой. И подумала, что чрезвычайно приятно увидеть нормальные выражения лиц у новых коллег, вместо презрительных и настороженных.

– Мне сказали, вы прекрасно справляетесь, Александра! – Прошла мимо с чашечкой кофе та самая дама «из ООН», которая проводила со мной собеседование.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Кажется, день сегодня задался, и решение я сделала правильное.

Официантка Настя сама сделала мне латте, и я уже хотела возвращаться в свой кабинет, как рядом послышался бар-

хатный голос:

– Говорят, сегодня в продажах произошла революция?

Я обернулась. Кирилл стоял, заинтригованный, словно не было нашего с ним вчерашнего разговора, пространных и малоприятных намёков. Он улыбнулся открыто и совершенно обворожительно.

Моё сердце дрогнуло: ну, хорошо, так и будем считать, что не было. Потому что я точно решила: шефа не предавать. Хоть он и сволочь, конечно. Тиран и манипулятор. Грубиян и матерщинник. Но было в нём что-то такое, неподкупное и честное, чего я во многих других не видела.

А Кирилл? Эх, он такой красивый! Я взглянула ему прямо в глаза. Обрадовалась: не было в них пакости! Может, он просто попал под чьё-то влияние? Ведь вчера здесь мне даже уборщица не выказала любезности, а он – наоборот. Хотя и проявил осторожность, как все. Нового и неизвестного многие опасаются. Стоит ли их за это записывать во враги?

Я сменила гнев на милость и улыбнулась в ответ:

– Да, было несколько пламенных слов на баррикадах.

Кирилл встал непозволительно близко, у меня участился пульс. Как же приятно от него пахнет!

– Представляю, как невероятно ты смотрелась на столе, – проговорил он. – Жаль, я этого не видел…

Я смутилась, а затем, затаив дыхание, подняла ресницы и утонула в томном мареве зелёных глаз. Интересно, он не передумал про пятницу? Мне бы очень хотелось погово-

рить не о работе…

– Сандра! – резкий окрик шефа окатил меня, как ледяным душем.

Я встрепенулась. Он стоял, недовольный и, похоже, готов был вернуться в состояние Зевса. О нет, не надо! Пожалуй, подобного веселья мне на сегодня уже хватит… Или снова идём на баррикады? Куда теперь?

– Да, шеф, – чересчур звонко ответила я – эхом разнеслось на весь холл.

Кирилл поспешно обернулся к кофемашине и завозился с кнопочками, словно разгадывал мудрёную комбинацию сейфа.

– Где тебя носит? – гремел Джек. – Мы едем сейчас же в город.

– Я только возьму сумку.

– У тебя тридцать секунд.

* * *

Если вы не были в нашем городе летом, вы многое потеряли. Во-первых, жару – в августе она особенно несносна. Даже листья на тополях преждевременно желтеют и сворачиваются в сухие трубочки. Во-вторых, обилие красавиц смешанных кровей, которые ходят в прозрачном, коротком, неприличном и вообще скорее обнажены, чем одеты.

Судя по широко и заинтересованно раскрытым глазам

Джека, вальяжно и с ветерком ведущего свой красный внедорожник, он был не готов пропустить ни одну.

Бабник! – с некоторой долей презрительности отметила я и, скосив глаза на свои классические тёмные брюки, по самую шею застёгнутую белую блузку, поняла, что не могу конкурировать ни с той армяночкой с роскошными кудрями в условном сарафанчике, ни с эффектной блондинкой в топе и шортах в попу, при виде которой у Джека отвисла челюсть и чуть не сломалась шея. Впрочем, как и при виде девицы с косами с открытой спиной умопомрачительного комбинезона, или губастой Барби, словно только что выпорхнувшей за кефирчиком из подпольного стриптиз-клуба…

Джек присвистнул.

Бабник! – ещё сердитее подумала я. Если бы можно было думать со скрежетом в мозгах, то это было бы именно оно. Честное слово, было чисто по-женски обидно, что сидящий рядом с тобой великолепный, атлетически сложенный и чертовски привлекательный экземпляр американской мечты обращает внимание вовсе не на тебя! Хотя, с другой стороны, кажется, этого я и добивалась. Меня можно было поздравить с успехом! Фанфары, литавры, гонг. Прямо в лоб…

– Oh, girls, girls, girls[5], – бормотал себе под нос этот грубиян, если не сказать хуже…

То, что вертелось у меня на языке, звучало почти нецензурно, но я ведь была откровенно зла! Заснять бы его физио-

---

[5] О, девушки, девушки, девушки (англ.)

номию на видеорегистратор и продемонстрировать офисным сплетницам – точно прикусили бы языки!

Но где-то в середине центральной улицы, по которой мы ползли со скоростью тридцать километров в час, чтобы рассмотреть все «достопримечательности» южной столицы, я смирилась с фактом: мой шеф вуменайзер и законченный бабник. И пусть! Зато мне никто не помешает нормально работать. А вне работы общаться с Кириллом. Он, кстати, моложе, красивее и явно деликатнее этого мачо с Оле-Олой в венах.

Я не ищу несерьёзных отношений! Мне некогда. И вообще, мне нужна только работа! Это потом, если повезёт, мне встретится большая и настоящая любовь; надёжное плечо, на которое можно будет положиться, которое не побрезгует и рискнёт смириться с парочкой психов в родословной ради одной прекрасной меня.

Впрочем, бабушка Дуся, мама папиной новой жены, говорила, что таких нет. А если вдруг найдётся подобный смельчак, даже косой и хромой, надо за него хвататься и не отпускать, потому что с «таким грузом, деточка, ты вряд ли вообще выйдешь замуж». Повторяла бабушка Дуся эти слова часто и с виду совсем не выглядела грымзой, а скорее милым, сердобольным одуванчиком. Но навещать её, конечно, не хотелось.

Итак, пронаблюдав свою злость и беспричинную ревность, я её растворила напрочь, и мне стало легче дышать.

С лёгким сердцем я даже стала показывать Джеку направо и налево:

– Посмотрите, вон какая красотка! На итальянку похожа, да? А вон с золотыми локонами – да-да, вон там. Просто царица полей. Какая вам больше нравится?

Джек внезапно очнулся и посмотрел на меня, как на чудо лесное. А я на него и улыбнулась:

– Так какая?

– Кхм, все хороши. Давай займёмся делом. Итак, показывай мне город.

– Девушек много на Пушкинской и на Набережной, девушки… особого поведения… говорят, собираются на Красноармейской, но если честно, об этом вам лучше спросить не у меня.

– Чёрт, балерина! Девушек я себе и сам найду, если понадобятся, – рявкнул американец. – Меня интересуют основные сети, супермаркеты, традиционные магазины и вообще то, как и где у вас продают напитки.

– Да везде, – пожала я плечами и вырвалось с ехидной улыбочкой: – Где девушки гуляют, там и напитки продают.

Джек побагровел. Рыкнул:

– Начнём с супермаркетов и гиперов.

– Как скажете, шеф. Тогда нам направо.

И мы поехали осматривать «поля», попутно фотографируя холодильники с Оле-Олой. Зашли в гипермаркет на набережной. Американца интересовали и другие продукты, ко-

торых, видимо, за океаном не продавали. Он был любопытен и дотошен.

Мимоходом скидывал в корзину всё вкусненькое, на чём останавливался мой взгляд. Видимо, решил попробовать. Когда мы подошли к кассе, он пробормотал непонятное про прикассовую зону и импульсные продажи. А на выходе сгрузил набитый пакет мне.

– Ешь.

– В каком смысле? – удивилась я.

– Я не знаю, сидишь ты на специальной диете или есть другая причина, но судя по твоим голодным глазам и падающим брюкам, тебе надо питаться получше.

Я только растерянно заморгала и глянула в пакет, доверху наполненный любимыми моими шоколадными сырками, как в детстве, пироженками, штруделями, мидиями и прочими деликатесами на весьма круглую сумму.

Ой, как-то неловко вышло…

– Простите, – пробормотала я. – Но я не могу это принять.

Он равнодушно пожал плечами.

– Я такое не ем. Не хочешь, раздай бедным.

Я сглотнула, окончательно сбитая с толку, и снова глянула в пакет. Да, от гречки, картошки и кабачков дома мне уже было дурно… На обеды пока денег не было, офисные кофе и печенюшки спасали. Но, позвольте, разве так делают начальники?

Пока я хлопала ресницами, Джек уже ушёл по торгово-

му центру довольно далеко, предоставив мне самой решать моральную дилемму. Я вдохнула-выдохнула, достала шоколадный трюфель, быстро сунула за щеку и побежала за ним. Штаны и, правда, с некоторых пор на талии болтались…

Глава 6

Джек не обманул торговых. Он встречал их вечером в офисе вместе со мной.

Хорошее качество – держать слово, я считаю.

Причём незаметно какой хитростью Джек переманил на свою сторону директора по продажам Али. Как это произошло, осталось для меня загадкой, ведь они общались без моей помощи. Но можно было сказать однозначно: первый редут «Софт Дринкс Корпорэйтед» был взят без потерь.

– Торговые – это та же армия, только в белых рубашках и с КПК, – сообщил мне Джек. – Именно из торгового агента, как из солдата, вырастают самые толковые генералы. Или маршалы. Как я.

Мистер Скромность. И я не удержалась:

– Но ведь вы не генеральный директор…

Он фыркнул:

– Я выше, – и пошёл снова переговариваться с Али Челиком.

Мне было проще: я просто секретарь, но хотя бы не уборщица. Тоже повод задрать нос.

А ещё я подумала: а зачем шефу налаживать отношения и окапываться, если речь идёт просто об аудите? Возможно, он вовсе не на два-три месяца приехал? Надо будет спросить о его планах. Он, конечно, выжимал из меня все соки и гонял

с заданиями снова и снова, но увольнять, кажется, не планировал. Это радовало.

В итоге я опять задержалась и пропустила корпоративный автобус. Я глянула с надеждой на синюю дверь под золотой табличкой Маркетинг. Кирилл скользнул тенью в глубине первого этажа, но так и не вынырнул. Жаль… Занят был, наверное. Не думаю, что его мог испугать Джек, громко общающийся в холле с продажниками.

Я взяла сумку и с тоской посмотрела на сумеречное небо за панорамными окнами. Торговые топтались возле Джека и Али. Им всем хорошо! Они на машинах, а передо мной опять встал ребром вопрос пустыря и собак. Страшно было до мурашек. Внезапно Джек отвлёкся от разговора, зыркнул. И тут же первому попавшемуся торговому поручил отвезти меня домой. Аллилуйя!

– Обалденный мужик, – с придыханием сказал стриженный под ёжик парень Никита. – Тебе повезло с ним работать! Многому научишься.

– Ага, – согласилась я.

* * *

Уже затемно мы с мамулей и Диной, которой, к счастью, надоело рыдать, устроили настоящую пирушку из вкусностей от шефа. Было весело! Про инопланетян даже и не вспомнили. А Джеку наверняка икалось по-хорошему раз

несколько.

Знаете, возможно, мама у меня не в себе и сестра кочует из депрессии в депрессию, будто сёрфер по волнам, но никто, как мои девочки, не умеет так радоваться малому. Ведь мама болеет уже давно, а папе сложно разрываться на две семьи. Точнее, он как-то больше живёт по-своему и вроде вполне нормально.

Я иногда дуюсь, но с другой стороны, как бы иначе я научилась быть самостоятельной, принимать решения и ничего не бояться? С папиной женой отношения у меня сложились неоднозначные, но зато она научила меня шить… Во всём имелись свои плюсы.

Чувствуя себя Винни-Пухом после гостей у Кролика, я всех чмокнула на ночь и ушла в свою комнату. У меня было всё просто: из мебели кровать, шкаф и туалетный столик. На стенах дешёвые белые обои и пару моих рисунков в рамках, но всё равно уютно, благодаря обилию шикарных растений на окнах и на стенах – почти как в зимнем саду. Есть даже пальма, лианы, плющик и усыпанный алыми цветами раскидистый гибискус. У меня лёгкая рука – отломлю росток, ткну в землю, и выросло. А поливку я доверяю маме.

* * *

Я распахнула дверцы шифоньера и застыла перед ним. Отчего-то вид солдата офисной службы меня более не удо-

влетворял. Хотелось чего-то эдакого, но без перебора. В конце концов, женщина должна нравиться. Даже если просто так.

Я прикладывала к себе перед большим зеркалом то один наряд, то другой. Пусть все они были не от Версаче, а мэйд ин Александра Лозанина бренд, шила я по выкройкам свежих журналов мод и неплохо. Если на обработку швов не смотреть. Но то внутри, а снаружи красиво.

Рука, наконец, потянулась к приталенному сарафанчику. Не совсем бизнес-стайл, но вполне приличный. И фигуру подчёркивает. Ну, коротковат… Хотя в сравнении с пляжным стилем, на который сегодня пялился Джек, очень сдержан.

Всё, решено. Больше не надену на себя спадающие штаны. Девушка я или кто? Между прочим, красивая девушка… если некоторые не заметили…

* * *

Снился мне Джек в окружении полуголых девиц. Он довольно курил сигару и покрикивал на меня: «Где перевод? Где отчёт? Где чёртовы файлы из бухгалтерии?!» Я несколько раз просыпалась в холодном поту, особенно после слов о бухгалтерии. Ведь не во сне, а в реальности та леди с укладкой оказалась главным бухгалтером и отчитывала всех, кто давал мне хоть какую-либо информацию. Мегера с маникю-

ром.

В общем, спала я не очень, и утром пришлось замазывать тёмные круги под глазами консилером. Ну, и заодно навести приличный макияж. Отзавтракав штруделем из вчерашнего пиршества, я поцеловала маму, выдала ей лекарства на день и надела подготовленный сарафан с толстыми бретелями – почти платье. Покрутилась перед зеркалом. Поправила распущенные локоны. Надела жемчужные серёжки-гвоздики, браслет и нитку на шею. По-моему, жемчуг – это ретро и признак элегантности.

– Какая ты красавица, – сложила ладошки мама, сонная и смешная в пёстром халатике. – И цвет тебе этот, нежно-коралловый, очень идёт! Возьми с собой это платье, когда будем улетать.

– Непременно, – сказала я и надела туфли. Сначала удобные, потом на каблуке – лаковые босоножки с открытой пяткой. Высоковато. Нет, пожалуй, вызывающе… Однозначно перебор!

Но будильник на кухне голосом механического гнома сообщил:

– 8:10. Плюс двадцать семь градусов.

И это значило, что я вот-вот опоздаю на остановку, на замечательный синий автобус.

А и чёрт с ними, с выходными туфлями! Пусть знает наших! – решила я, отчего-то думая не о Кирилле, а о Джеке. Но, честно признаться, всю дорогу потом сидела как на игол-

ках, не понимая: поступаю я глупо и провокационно, так одеваясь, или как должно. В конце концов, в офисе «Софт Дринкс Корпорейтед» у женщин царил вполне себе свободный стиль – надо же и мне соответствовать!

Первым на меня обратил внимание техник Гена. Он подал руку, когда я выходила из автобуса, и спросил:

– А скажи, Саша, как девушки так удачно подбирают наряды? Пользуются услугами стилистов? Или в журналах советуют?

Я рассмеялась:

– О нет! При выборе наряда важно соблюдать правило левой руки.

Гена замер, подумав неизвестно о чём. И я добавила:

– Становишься утром перед шкафом. Зажмуриваешься. Вытягиваешь руку, и на что палец попадёт, то и надеваешь.

– Вот это да-а-а! – восхищённо потянул белобрысый техник.

Хи-хи, стилисты! Я ни за что не признаюсь даже такому небритому и кудлатому парню, что вчера почти час ломала голову и устраивала примерки, а три месяца назад шила этот сарафан, урвав отрез шикарной ткани с большущей скидкой в «Афродите». Мне всё-таки жутко повезло быть маленькой – такая экономия материала!

И я продефилировала к офисному зданию, чувствуя себя не менее эффектной, чем Карла Бруни в её лучшие модельные годы. В конце концов, у меня такой же цвет волос…

Двое рабочих обернулись. Кажется, на меня. И ребята-торговые засыпали комплиментами в холле. Приятно!

В нашем кабинете никого не было. Я принялась наводить порядок на столе шефа – складывать документы в стопочку, ручки и карандаши обратно в подставку, его фирменный Паркер с гравировкой Оле-Ола в багряную коробочку. Поправила её два раза – хотелось, чтобы ему было приятно.

Дверь распахнулась, и с шумным «Хэлло!» ворвался свежий и довольный Джек, как бог на свой Олимп. И вдруг остановился посреди кабинета, с удивлением воззрившись на меня. Я покраснела. Он засунул руки в карманы идеально выглаженных брюк и склонил голову чуть набок. Присвистнул.

– Балерина?

– Доброе утро, мистер Рэндалл, – улыбнулась я.

– Сегодня праздник?

Я покраснела ещё гуще. Пожалуй, так откровенно меня никто не разглядывал.

– Нет, просто так. Хотите кофе?

– Разумеется! – Джек прошёл к своему креслу, будто случайно скользнув ладонью по моей талии.

Я напряглась. Он осклабился, в глазах зажёгся масляный блеск.

– Что может быть лучше утром, чем чёрный кофе и красивая девушка? Даже если пока не в постели, но… ещё не вечер! – Он снова присвистнул, сел и довольно крутанулся. – Да, балерина?

Я срочно ретировалась.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Он подумал совсем не то! Или я дурочка?! Да, конечно! Внимания захотелось?! Получи.

Надо было ходить бледной молью и не замазывать круги под глазами, а новые тенями наводить! Что же теперь?! Я не собираюсь с ним в постель! Что делать, что делать?! – хотелось закричать мне, воздев очи к небесам, точнее, к арке на потолке, поддерживаемом мраморными колоннами. Со мной поздоровалась та европейка, которая говорила о «широких взглядах». Я вынуждена была приветливо ответить, хотя от осознания собственной глупости тянуло расплакаться.

Начала заваривать кофе, роняя всё подряд из ледяных пальцев. В голове жужжало: «Он теперь решит, что ты готова на всё только из-за вкусной еды! Кошмар! Позор! Ужас…» Меня даже затошнило, и во рту появился вкус вчерашних мидий.

Увидев меня, в кафе-бар завернул Кирилл, не дойдя до офиса:

– Сашенька, как ты прелестна сегодня! – воскликнул он и, перегородив собой вход в бар двум торговым, понизил тон: – Надеюсь, наши планы на пятницу в силе?

«Что он скажет и как поведёт себя со мной, если я откажу шефу, и тот выставит меня на улицу без выходного пособия?» – вдруг подумалось мне. И я поняла, что совсем не уверена в ответе… Или это просто приступ паники? Я за-

ставила себя улыбнуться:

– Да-да, конечно. Но сейчас мне нужно идти.

Кирилл с видом барина отстранился и отодвинул рукой с моего пути парней в белых рубашках.

– Дайте леди пройти, остолопы.

На лестнице я застыла на минуту. Мимо прошёл Батур, финансовый директор, совсем молодой, но с виду – коротко-рукий, злобный карла, чуть выше меня ростом, с небольшим пузиком и гигантским самомнением судя по выражению лица. Вот кому было начхать на моё платье, ножки и причёску! За это даже поблагодарить его хотелось. Конечно, я лишь сдержанно поздоровалась, но его надутый взгляд позволил мне переключиться и подумать здраво.

«Стоп! Прекратить панику! Подумаешь, намёки! Вчера же ясно было, что Джек – бабник. Я буду вести себя как ни в чём не бывало… По крайней мере, попробую».

Я внесла кофе в наш кабинет. С Джеком разговаривал директор по производству, статный, похожий на героя турецких сериалов, белокожий и синеглазый брюнет Корай Огюн. Я тихо поставила чашку перед Джеком и села за свой стол.

Новая кипа переводов ожидала меня со вчерашнего дня. И ещё задание – промониторить цены поставщиков сахара, CO2 и пластиковых заготовок ПЭТ под бутылки по России в целом и по Югу отдельно. В общем, я надеялась больше не вставать из-за компьютера и никому не показывать свои колени, бесстыдно выглядывающие из-под кораллового по-

дола. Но не тут-то было…

Джек с Кораем заговорили на повышенных тонах, и честно говоря, если бы не куча работы, я бы сбежала куда-нибудь подальше от этого взаимного рычания двух львов. Увы, приходилось вжимать голову в плечи и пытаться сосредоточиться.

– Да мне плевать на это! – стукнул кулаком по столу Джек. – Ты директор, отвечающий за производство! И склады находятся в твоём ведомстве. У тебя массово исчезают паллеты, полиэтилен, другое сырьё, и ты вписываешь это в графу «непредвиденные расходы». Что, по сути, является мошенничеством в крупных размерах. Что ты на это скажешь?!

– За любое воровство отвечает охрана, – рявкнул в ответ Корай. – Вы не имеете права обвинять меня в этом!

– Имею! Как раз таки я – имею. И могу поджарить твою задницу на чёртовых углях столько раз, сколько решу я! Мало не покажется!

– Со мной никто не будет говорить подобным тоном! – Корай Огюн подскочил как ужаленный и гордо выпрямился.

– Буду. Я! – уверенно заявил Джек и, встав со спокойной уверенностью, заявил: – Даже если твоё сиятельство оскорбляет слово «задница», я её всё равно поджарю! И это, поверь, оскорбит тебя больше, если проблема не будет устранена в кратчайшие сроки. Потому что то, что ты мне принёс, не отчёт, а туалетная бумага.

– Вы не дали сроков…

– Чтобы утаить грабёж более тщательно? Имей в виду, замазывай – не замазывай, я раскопаю и поджарю тех, кто набивает карман за счёт моей компании!

– Это не ваша компания!

– Уж не привык ли ты думать, что она твоя? – грозно спросил Джек.

И, правда, инквизитор. Стоит, сложив мощные руки на груди, как палач, а стройный, элегантный Корай, похоже, не выдерживает натиска. Молчит, покрытый пятнами, перебирает длинными аристократическими пальцами листы отчёта, который ему вернул Джек. Наконец, Корай выдавил:

– Я буду жаловаться. Найду на вас управу.

– Я представитель, назначенный советом директоров Нью-Йоркской штаб-квартиры. У тебя есть претензии к их выбору? Давай, пиши. Посмотрим, что тебе ответят, – со злой усмешкой, не позволяющей сомневаться в ответе, процедил Джек.

– Я…

– Тебе лучше начать сотрудничать, Корай. Иначе будет поздно. И принести мне реальные цифры.

Директор по производству вспыхнул и ринулся прочь из нашего кабинета. Но дверью не хлопнул, закрыл аккуратно, придержав ручку. Воспитание? Или понял, что пора признавать чужую власть? А мне куда теперь – под стол? Очень хотелось…

Джек швырнул на пол оставленный отчёт страниц на тридцать и, стоя, отхлебнув кофе, буркнул:

– Пойдём, Сандра, на склад. Сами посмотрим на это наглое ворьё.

– Да, шеф, – сказала я, тихо радуясь, что, распекая директора по производству, Джек растерял всю маслянистость в глазах. Лучше пусть орёт, чем пристаёт.

И мы пошли с ним на склады через всю территорию – грозный Зевс и я в своём коралловом платье, с развевающимися по ветру кудряшками, едва ли выше его плеча. Господи, да ему при желании даже силу применять не надо… только пальцем придавить. Страшно. И почему люди бывают такого размера?! Разве есть в этом вселенская справедливость?

Сердце моё замирало, а перед нами простирались склады – серые, бесконечные, не особо людные… Вдалеке у второй проходной скопились синие грузовики с логотипом Оле-Ола, подальше – погрузчики, и совсем на горизонте – фуры и собаки…

Каблуки сотрутся точно, вместе с ногами! Но это полбеды, надо выправлять в его голове образ «Барби лёгкого поведения», и я сказала с максимальной серьёзностью:

– Могу я задать вопрос о положении со складами?

– Задавай.

– Как воровство на складе отражается на продажах Оле-Олы? Это, конечно, вопиюще, и я хотела бы понять глубже. Извините, если мой вопрос не относится к моей компетен-

ции.

Джек посмотрел на меня, как на нормального человека, а не на носительницу платья и каблуков, и ответил:

– Всё, что происходит на предприятии, закладывается в бюджет. Каждая украденная копейка в итоге отражается на цене бутылки на полке, которую видит конечный потребитель. А, учитывая, что концентрат напитка и так покупается за доллары, курс которых вырос в результате кризиса, цена стала запредельной. Мы не можем повлиять на курс валют, но, как я вижу, здесь много дыр, куда уходят деньги, и которые надо залатывать.

Я вспомнила о Кирилле и о его разговоре про умасливание чиновников.

– А взятки и откаты тоже туда относятся?

– Правильно мыслишь, Сандра, – кажется, удивился Джек, в его глазах проснулся следователь: – Ты что-то знаешь об этом?

– Нет, – мотнула я головой, не желая подставлять Кирилла. – Но я точно знаю, что в России вопросы с властями никогда не решаются иначе. У нас не США, хотя там, наверное, тоже не всё кристально.

Джек пожал плечами.

– В Китае за взятки казнят. И правильно делают.

Я похолодела, вновь представив Кирилла на дыбе… Ой, надо срочно уводить разговор в другое русло, если удастся. Или создавать новые реалии.

– У нас слово «коррупция» только в СМИ обсуждается жарко, как мне кажется, а так существует и будет существовать ещё сотни лет. Но, кстати, раз казни в Китае продолжаются, значит, взятки продолжают брать, – предположила я. – И, значит, препоны бизнесу ставятся и там.

– Логично, – заметил американец. – Моя задача – сделать всё максимально прозрачным. До кристальности. И, поверь, я умею это делать. А если есть пункт, без которого на той или иной территории невозможно вести бизнес, его придётся ввести в бюджет. Во всём уместна разумность.

Я засмотрелась на него, поражаясь беспрекословной уверенности, и споткнулась о камешек.

Чёртовы каблуки!

Джек подхватил меня, как пушинку, и поставил обратно на асфальт, не дав расквасить нос. Затем глянул критически на мои босоножки и с видом императора тормознул едущую мимо Кию одного из менеджеров. Это был Кирилл.

– В офис? – спросил шеф.

– Да, – пробормотал главный по презентациям, опасливо глядя то на меня, то на босса.

– Дойдёшь пешком. Мне нужна машина. Как освободится, Сандра принесёт тебе ключи. Кажется, маркетинг? – Джек ткнул пальцем в красавца менеджера.

– Да…

– У вас я ещё не был. Подготовь отчёт о последних промо-активностях. С затратами и результатами в продажах

по каждой.

– Хорошо… Но это моя машина, я не отдам вам её.

– Это машина компании. Я старший по должности. И мне нужен автомобиль по делам компании и на её территории. А у тебя – срочный отчёт. Я жду его утром. Вопросы ещё есть? – сурово ответил Джек.

– Нет. – Кирилл вылез из служебного автомобиля, недовольно уступив водительское кресло.

И я невольно отметила, что Джек смотрелся на его фоне, как властитель всея Римской Империи с торсом и профилем воина рядом с идеальным и немного слащавым метросексуалом. Я даже удивилась подобному сравнению, ибо по отдельности ничего подобного при виде Кира не думала.

– Сандра! – рявкнул Джек. – Тебе особое приглашение нужно?!

– Нет, шеф, – пискнула я и побежала, как верный Пятачок, занимать место в нагло экспроприированной машине.

Автомобиль резко тронулся с места и помчался к складам. Джек вёл уверенно, словно управлял именно этой Кией всю жизнь. А я осторожно скосила глаза, разглядывая шефа, – нет, он не царь, он настоящий прокуратор, чёрные волосы, римский профиль, цепкий взгляд. Только плаща с кровавым подбоем не хватает.

– Кстати, склад маркетинга тоже будем проверять, – заметил, поджав губы, шеф. – Уж больно у этого хлыща глазки бегают. Пусть не переживает, настанет и на его улице Вар-

фоломеевская ночь…

Глава 7

На производственных складах мы осмотрели настоящие лабиринты из стеллажей, полок и контейнеров. Облазили каждую щёлку и каждый закоулок. Джек переговорил и с грузчиками, и с рабочими, и с водителями – по-простому, по-свойски, с шуточками и прибауточками; с усатыми кладовщиками – строго и начальственно. У самого забора, когда никто не видел, пообщались даже с собаками – вот уж кому повезло больше всех! Никогда не слышала, как сюсюкают по-английски, к тому же ласковым басом.

– Oh, cutie. Yeah, my puppy… I know you like it, babyboy, yeah, yeah[6], – причмокивал и теребил Джек за ухом огромную, лохматую псину, которая моментально признала в нём хозяина.

Я осторожно остановилась в сторонке. Но собаки тут же обступили и меня, дружелюбно размахивая хвостами. Стали подставлять лобастые головы под ладонь. Я погладила, уверенная, что при Джеке не укусят.

Шеф подмигнул не то мне, не то ластящемуся кобельку. На душе как-то отлегло, я даже сама заулыбалась и, присев на корточки, почесала розовое пузико кудлатому щенку. Он облизал мне руку и полез носом к носу.

---

[6] О, милашка. Да, мой щеночек… Я знаю, тебе нравится, мальчик, да, да…

Как только сеанс милоты с дворовыми псами был окончен, Джек направился к автомобилю и сказал:

– Надо их будет вакцинировать. И стерилизовать. Уже целая стая развелась. Небезопасно.

И мы пошли с обходом дальше. Не скажу, что старшему из охранников и начальнику склада повезло. При всех своих стараниях я не смогла передать всю жёсткость вопросов Джека и изыски ненормативной лексики, заставляющие меня то и дело краснеть по самую макушку. Поражало только то, как легко Джек переключался – с угрожающего рыка до шуток – в зависимости от того, с кем и о чём мы разговаривали.

К четырём часам дня мой язык уже отваливался. Ноги тоже, машина не спасала. Желудок прилип к спине. Голова гудела. На самом деле, это только со стороны кажется, что переводить легко: болтай себе и болтай. А на деле ты превращаешься в трансформатор, машинку-приставку, которая передаёт интонации разных людей, идиомы, фразы, ругательства… Мозг то и дело перещёлкивается туда-сюда, будто тумблер, настраиваясь на разные электрические импульсы. И под конец ты становишься пустой. Не остаётся ни собственных мыслей, ни эмоций, только мерное гудение, как у бесперебойника. Или противные бип-бип-бип, когда поставка энергии прекращается. В моей голове уже начало пищать и тикать.

– А теперь мы идём есть, – сказал Джек и вырулил с терри-

тории складов к красивой сине-белой столовой, утопающей в цветах, горках и мини-фонтанчиках. Здесь уже было пусто, лишь пара немолодых мужчин сидели за столиком у окна.

Администратор, худая, высокая, в меру ухоженная женщина лет сорока слащаво нам улыбнулась и начала цветисто приветствовать Джека. Видимо, была уже наслышана об иностранном госте.

– В общем, она рада, – кратко перевела я.

Джек обворожительно улыбнулся ей в ответ и по-гусарски склонил голову. Надо же! Умеет быть джентльменом! Впрочем, какая разница? Я с тоской подумала о жалких рублях в кошельке, не предусматривающих обед, и решила заказать чаю.

Скоро вернёмся в офис, и, надеюсь, там не все печенюшки из кафе-бара растащили. Но Джек даже не стал спрашивать. Ткнул в меню на самое дорогое, показал, мол, по две порции, и снова обворожительно улыбнулся. Я в тревоге вскинула глаза, подсчитав, во что обернётся это первое, второе и третье, но шеф вальяжно раскинулся на стуле и сообщил:

– Я плачу.

Пожалуй, учитывая утро, надо было отказаться. Но администратор уже метнулась на кухню, ноги мои не слушались, а оплатить за себя я могла бы, только взяв взаймы или ограбив ту одиноко стоящую кассу. Я села, уткнулась в окно, выходящее на клумбу, и потихоньку выступила из туфель, превратившихся к сему моменту в предмет пытки. В конце

концов, если столько работать и не есть, я просто сдохну. А мёртвым всё равно, в чьей постели они находятся.

* * *

Хотелось молчать и делать вид, что меня здесь нет. Но, похоже, это не входило в планы Джека. Уж кого-кого, а его везде должно было быть много.

– Говори, что заметила интересного.

– Для меня всё необычно, я никогда не была на таких складах.

– Ты понимаешь, о чём я. Что резануло глаз? Или показалось странным?

– Странно, что начальник смены на складе и охранник на восточных воротах похожи, как братья, – заметила я. – Да они, наверное, и есть братья: в турецких семьях развита семейственность. И тюбетейки у них одинаковые.

– Угу. Ещё?

– Странно, что много паллет было свалено в кучу, как поломанные, я заметила там целые. Из таких вполне неплохой стройматериал мог бы получиться.

– Так.

– На складе сырья я заглянула под смятые картонные упаковки в самом дальнем углу, за масляной лужей, а там аккуратно сложен полиэтилен.

– Угу.

– И странно, что так много грузовиков не развозят Оле-Олу, а посреди дня находятся на территории завода.

– Молодец, балерина. Глаз намётанный.

И он уткнулся в телефон. Он набирал что-то быстро-быстро, но когда нам принесли суп, я не успела взяться за ложку, как шеф навёл камеру на меня и щёлкнул.

– Зачем? – удивилась я.

– Мой друг не верит, что у меня теперь тонкий, звонкий голосок, как у птенчика, – хохотнул американец.

Я хлопнула ресницами.

– У вас нормальный голос, я бы даже сказала, бас.

– Ты не понимаешь, – ответил Джек. – Ты мой голос. В вашей стране я могу говорить через тебя. Пока не выучу русский. И вот представь. – Он опустил обе руки под скатерть и высунул свой здоровенный кулак и щепотку из трёх пальцев. Сначала кулак пробасил голосом Джека, как в кукольном театре: – What the fuck is going on? – потом пальцы в щепотке разжались, имитируя птичий клюв, и Джек презабавнейше пропищал по-русски: – Что за йерюндаа здэс тваритса?

Я не выдержала и прыснула.

– Вы уже выучили эту фразу?

– Ну, её приходится повторять чаще всего в этом бедламе, – широко улыбался Джек. – И вообще, я талантливый.

– Только не «йерюндаа», а е-рун-да. Так надо правильно говорить, – поправила я.

Он повторил. Всё равно получилось смешно.

– Давай ещё раз.

– Е-рун-да.

Он произнёс громко, на весь пустой зал столовой, затем глянул с хитринкой на продолжающих разговаривать мужчин и на администратора. Те не обратили на него никакого внимания. Шеф прищурился.

– А ведь ты неправильно меня переводишь.

Я вспыхнула.

– Почему вы так решили?

– Если бы я проорал на русском то, что реально означает fuck, они бы уставились на нас.

Я закусила губу.

– Ну, я немного сглаживаю… Это же неприлично…

– Вот уж нет, – покачал головой шеф, – если я хочу сказать «хрень», пусть они знают, что я говорю именно это! Ты поняла, балерина? А ну-ка, переведи дословно fuck.

Я покраснела, глядя на него.

– Давай! Я жду!

Кажется, гримаса у меня вышла настолько жалкой, что он с трудом сдерживал смех, но делал вид, что сердится.

– Ну!

И я шёпотом выдавила из себя дословный перевод. Мои щёки горели дико.

Довольный собой, Джек расхохотался так, словно я была его дрессированной мышкой в юбочке, которая пропищала

только что гимн Соединённых Штатов. Он ударил ладонью по бедру и бухнул громко то, что я нашептала. На этот раз все оглянулись и вытаращились на нас.

– Вот теперь правильно! – угомонился, наконец, Джек и сказал: – Но ты прокололась, балерина! Теперь я буду регулярно тебя проверять. Они должны меня бояться.

– Вы думаете, боятся недостаточно? По-моему, когда вы орали на начальника охраны, у него чудом глаза не выпали…

Он снова засмеялся, благо потише, но так заразительно, что и я рассмеялась тоже. Когда мы успокоились, он сказал:

– Знаешь, балерина, у меня есть друг. Мы с ним всё время смеёмся над тем, что соревнуемся во всём друг с другом… – он сделал паузу, повёл бровями и добавил гордо: – Но я смеюсь больше.

Я снова хмыкнула. Джек вспомнил о супе. Воспользовавшись паузой, я умелá суп за минуту, как мой сосед, который служил в армии. Какой, право, может быть этикет с этим матерщинником? Джек с одобрением заметил:

– Говорят, кто хорошо ест, тот хорошо работает. Пожалуй, надо увеличить тебе рабочий день, малышка, твой КПД явно может быть значительнее.

Кусочек картошки фри застрял где-то посреди моего горла, пришлось запивать апельсиновым соком. А вдруг в его шутке была только доля шутки? На всякий случай я промолчала, только сделала загадочный вид и за второе принялась медленнее. Гораздо.

Джек подцепил вилкой кусочек солёного огурца из салатницы и сказал:

– Недавно с другом-французом был в Бельгии. Оказалось, что бельгийцы не едят солёных огурцов. Спроси почему.

– Почему?

– Голова в банку не пролезает.

Я захихикала. Нет, с ним точно поперхнёшься так, что и сок не поможет.

– Ладно, – кивнул он. – Расскажи о себе. Твоя любимая книга.

– Мастер и Маргарита. Это русский автор, Булгаков, возможно, вы не знаете.

– О слава богам, не «Гордость и предубеждение»! – Он воздел руки к потолку, улыбаясь во весь рот.

– Вы не любите Джейн Остин?

– Ты знаешь хоть одного нормального мужчину, который любит?

– Нет.

– Вывод: я нормальный. Любимый фильм.

– Их много. «Властелин колец», например.

– История о том, как целая толпа девять часов кряду пытается вернуть неудачно приобретённую ювелирку…

– Вы не романтик.

– Отчего же? – Его глаза заблестели и снова довольно опасно. – Я даже люблю сказки. Про любовь.

Его рука скользнула по тёмно-зелёной скатерти. Как бы

невзначай пальцы остановились в дюйме от моих. Кхм.

Я схватилась за стакан и выглушила оставшуюся половину сока. Сделаю вид, что не замечаю. В конце концов, я не обещала быть догадливой в том, что не касается отчётов. От его уверенности в собственной неотразимости во мне проснулся дух противоречия.

– Неужели «Красавицу и чудовище»? – вырвалось у меня с сарказмом.

– О нет. Разве это сказка? Это просто доказательство, что Стокгольмский синдром работает.

Ну да, он явно не считал себя чудовищем! Конечно, внешностью его природа не обидела, но слово «чудовище» очень соответствовало характеру.

– «Золушку»?

– Вполне себе американская мечта. И прекрасная рекламная кампания для обувного бизнеса.

Интересно, у него на каждую сказку имеется присказка?

– «Красную Шапочку»?

– Почему я должен любить сказку, где главная героиня – женщина? – возмутился он. – Другое дело – «Легенда о короле Артуре».

– Уверена, вы представляете себя королём Артуром, – заметила я.

– А, может быть, Мерлином?

– Может быть. Или драконом. Главное я уже поняла: вы однозначно не представляете себя Гвиневрой.

Он расхохотался до слёз. И кто бы подумал, что мой шеф-деспот – такой хохотун?

К моменту, когда я расправилась с кусочком панчо, посыпанным шоколадной крошкой, Джек выяснил, что я не замужем, с кем живу и что закончила, что люблю есть и пить, а в обмен рассказал мне с десяток анекдотов. Даже три приличных. По-моему, ему доставляло особое удовольствие видеть, как я краснею от скабрёзностей.

Надо научиться фильтровать, – решила я, – привыкла же я пропускать мимо ушей мамины истории про инопланетян.

Когда мы вышли из столовой, он бросил мне ключи от чужой машины. Я поймала их на лету.

– Молодец, балерина! – сказал он. – Сработаемся.

И за это я готова была простить ему даже масляный блеск и грубости. Мне всё ещё нужна была эта работа – так же, как вчера и позавчера. И если всё будет ограничиваться шутками, пусть. Я его прощаю. В конце концов, у моего нового шефа есть много и положительных качеств. Я взглянула на Джека украдкой. Он поймал мой взгляд и улыбнулся. Совершенно по-человечески, нормально, и тем обезоружил. Мои губы сами расплылись в ответной улыбке.

* * *

Я зашла в маркетинг и постучала в дверь отдельного кабинета, где сидел Кирилл. Тот был мрачен, нависая тёмной

тучей над ноутбуком. Красив даже в таком настроении. Элегантен, как вампир.

– Привет ещё раз, – сказала я. – Вот ключи.

– Присаживайся. Этот монстр тебя не сожрал? Честное слово, даже страшно думать, что ты проводишь с ним рядом весь день.

– Это не легко. – Я была польщена заботой. – Но, как видишь, я жива. Ты готовишь презентацию Джеку?

Кирилл вздохнул. Угрюмый, бледный и какой-то скованный. Мне стало его жалко.

– Ты просил меня подсказать, когда смогу. Сейчас как раз тот момент. Если у тебя есть какие-то недочёты, о которых ты знаешь, а ещё важнее те, о которых знаешь не только ты, не пытайся их скрыть от Джека. Он многих видит насквозь и очень умён. Проще объяснить, почему были необходимы откаты или что там у вас было… не очень прозрачного в отделе…

Кирилл побледнел сильнее.

– С хорошим обоснованием Джек поймёт, – добавила я, – особенно если это на пользу компании.

– Быстро же ты перешла на его сторону!

От осуждающего взгляда красивых зелёных глаз, подведённых густыми чёрными ресницами, мне стало некомфортно, будто под этими словами скрывалось то, о чём шушукались и красноречиво молчали в офисе. Обидно. Я направилась к дверям и бросила, поджав губы:

– Я только хотела помочь. Спасибо за машину.

Кажется, про вечер пятницы можно забыть. К горлу подступил ком. Мне никогда не везло с мужчинами! Возможно, бабушка Дуся права. Или дело тут даже не в моих больных родственниках, а во мне самой? С тяжёлым сердцем я подошла к нашему кабинету и столкнулась с Джеком. Он подхватил меня за талию, как игрушку, и отставил с дороги. Его глаза горели азартом, словно у тореадора, а ноздри раздувались, как у быка, почуявшего песок арены.

– Ну, балерина, мы копнули с тобой в верном направлении! – воскликнул он.

– Да?

– Да! Меня вызывает Абдурахман на ковёр. Турки переходят к угрозам! – сообщил он так радостно, словно выиграл приз.

– Желаю удачи! – сказала я, отчего-то за него волнуясь.

И, сжав кулаки, огромный, пышущий энергией и страстью к битве гладиатор рванул на третий этаж. Я проследила за ним взглядом и поняла: в отличие от всех и каждого в этой компании мне повезло. В том, что я не стою на его пути. В том, что мне не надо выбирать сторону – всё, что нужно, прописано в Трудовом договоре. И в том, что высший менеджмент обходится без моего перевода – столько боевой нецензурщины я просто не переварю…

Глава 8

Часы на стене, в компьютере и на мобильном показывали 18:00. Потом 18:05. И ещё 18:08. «Скоро стрелки подползут к 18:15, – думала я, постукивая пальцами по столешнице, – и синенький автобус уедет без меня».

А шефа всё не было… Я волновалась. Даже выходила на лестницу и, вытянув вверх шею, стояла на цыпочках и прислушивалась: не поубивали ли они там друг друга? Нет, далёким громом доносился матерный бас Джека. Я поднялась ещё на десять ступенек. Ой! Кажется, полетел стул… Или что-то тяжёлое. Но охрану не вызвали. Полицию тоже.

Я вздохнула, раздираемая мыслями. С одной стороны, как верному помощнику надо было дождаться Джека, принести ему кофе для успокоения или налить стакан виски из бутылки, которую он установил, как кубок чемпионата мира по футболу, на видное место в шкафу. С другой – он меня об этом не просил. С третьей – меня может никто не отвезти домой… С четвёртой – утро с масляными взорами прошло, но осадочек остался. Возможно, для успокоения шеф предпочитает не виски, а что-нибудь погорячее.

Сверху опять рявкнул на кого-то Джек. Я живо представила: ночь, пустой офис, гостиница рядом, американский медведь… И, подхватив сумку в кабинете, метнулась к автобусу. Успела уже к отходящему, отчаянно размахивая руками

и вопя: «Подождите!»

– За тобой гнались инопланетяне? – спросил Гена, рядом с которым я плюхнулась не глядя.

«Откуда он узнал о маминых глюках?» – было первой мыслью.

Вихрастый техник добродушно улыбался и при виде моих округлённых глаз пояснил:

– Шутка.

– А-а, – выдохнула я. – Да, инопланетяне, собаки со складов и медведи…

– И все на одну тебя? – хмыкнул Гена.

– Прикинь, как повезло?

Он расхохотался добродушно, а мне внезапно стало легко и свободно. Как хорошо, что есть люди, с которыми можно просто так перекинуться шуткой и не бояться, что тебя уволят, не так поймут или затащат чёрт знает куда! И я продолжила болтать с техником до самой остановки.

Гена помахал мне на прощанье. И я побежала по залитому вечерним солнцем пригорку, ведущему к моей девятиэтажке. Собаки весёлые бегали, размахивая хвостами, утки в лужице за домом крякали, алкоголики пели возле ларька. Тут бы выдохнуть, но сквозь солнечные блики и куплеты «про зайцев», между мыслями «купить хлеба или макарон» и постоянными кивками соседям, просочилось беспокойство за Джека.

Отчего-то я почувствовала себя предательницей. И мгно-

венно возмутилась внутренне настолько, что притопнула ногой. Каблук сломался. Тот самый, из-за которого я чуть не расквасила нос. А Джек меня подхватил… А я… и подкатил тяжёлый ком к груди. Вина. Я вздохнула. Вообще, мы с этим чувством всегда «на ты». Учусь сопротивляться, но пока получалось как-то вяло.

Купив в магазинчике макароны, я завернула на седьмой этаж к лучшему психотерапевту на свете – моей подруге. Тем более, целых три дня не виделись!

* * *

Таня у меня очень красивая: стройная, густые тёмно-каштановые волосы с рыжинкой, правильные черты лица и серьёзные насыщенно-зелёные глаза при светлой коже. Мы дружим с музыкальной школы: сначала поссорились, потом помирились, и всё – подруги навек. Честно говоря, если бы не Таня, я бы, наверное, пошла на математический, а не на «ин. яз». Но она училась в английской школе и так упоительно рассказывала о дополнительных занятиях, что я решила: мне тоже нужно много-много упоительного английского. Толстым слоем и можно без хлеба.

А я заразила подругу танцами и йогой… Моя мама, когда ещё не болела, просветила её, «откуда дети берутся», и рассказывала много об искусстве и красоте. А Танина мама научила меня готовить «Оливье», «селёдку под шубой» и кури-

цу с картошкой запекать под майонезом. В общем, процесс обмена духовным и материальным шёл у нас полным ходом, был подкреплён задушевными беседами, совместными вылазками «в свет» и похожими вкусами в литературе и кино.

Вот и сегодня в маленькой, такой же, как у меня, кухне, мы просидели с Таней целых два часа. С чаем, плюшками. И Джеком. В смысле я о нём рассказывала…

– Слушай, а у тебя к нему ничего нет? – спросила Таня, по привычке забравшись с ногами на табуретку.

Я бы тоже это сделала с удовольствием, но платье не позволяло.

– Ты что?! – возмутилась я. – Он же сумасшедший! И потом я совершенно против служебных романов.

– Ну, старый фильм с одноимённым названием тебе очень даже нравится.

– Сравниваешь! – хмыкнула я. – Ты бы видела этого медведя! Красив как бог…

– Вот! И я о чём, – философски изрекла Таня. – Ты третий раз это повторяешь. И видела бы ты сейчас свои глаза!

– Нормальные глаза. Немножко в кучу. От усталости.

– Да-да, – загадочно улыбнулась она.

К сожалению, наш разговор прервала моя мама, и пришлось идти домой – с макаронами и головной болью.

«Нет, с чего Таня решила, что он мне нравится? – мысленно возмутилась я. – Мне нравятся утончённые, интеллигентные молодые люди. Приблизительно такие, как Кирилл».

Заснуть в тот вечер мне удалось с трудом, несмотря на усталость. В режиме повтора прокручивался день и дурацкие шуточки Джека, сверкающие лукавством глаза и его восторг перед боем. И моё постыдное бегство. Спала я тоже беспокойно, просыпаясь то от хэви-металла за стеной, то от орущего во сне Джека на турецких менеджеров, на меня и на Кирилла. Шеф гонялся за нами со стулом в руке, удерживая его за одну ножку. Я подскакивала в холодном поту, боясь, что стану следующей мишенью.

* * *

Наступило рабочее утро. В офисе было тихо. А Джек вовремя не пришёл. И спустя четверть часа после начала трудового дня не появился, и через полчаса. Телефон его был выключен. Волнение моё достигло апогея. Я собралась с духом и решительно направилась на третий этаж.

Секретарь Абдурахмана Диана – та самая, с задранным носиком, в розовых лабутенах – при виде меня изобразила ехидное презрение.

– О, вы вовремя, Александра. Ваш начальник уезжает сегодня. Отнесите ему распечатанный электронный билет и данные по бронированию.

– Куда? – опешила я.

– В номер, – надула губки Диана.

– Нет, уезжает куда?

– Судя по билетам, – сообщила она с видом томно возлежащей на троне Клеопатры и чуть повернулась в кресле, – в Москву. А потом в Нью-Йорк.

У меня всё оборвалось. Я взяла билеты и проверила.

– Всё точно, – сказала Диана. – Я никогда не ошибаюсь.

Увы, там была прописана Москва и Нью-Йорк. Билет в один конец.

Он меня бросает? Миссия закончена? А как же я? А моя работа? Боже мой!

Никогда ещё Саша Лозанина не была так близко к провалу. И к подступающим слезам.

* * *

В небольшом холле гостиницы мне навстречу прошла крупная официантка Лариса со вздыбленной огненной шевелюрой и фигурой а-ля «гитара». Она улыбнулась мне хищно и самодовольно, как рыжая кошка, урвавшая на кухне кусочек мяса, поправила короткую юбку и процокала каблуками к своему рабочему месту – кафе-бару на первом этаже офисного здания. Будучи в растрёпанных чувствах, я не обратила на неё внимания. И через минуту уже стучала в красную дверь. Джек распахнул её, бодрый, сияющий, словно уже был готов выходить сам, в белой рубашке и светлых брюках. На меня обрушился концентрированный запах мужских духов – видимо, ещё облако спрея не рассосалось. Шеф весело

пробасил:

– О, балерина!

– Здравствуйте. Ваши билеты, сэр, – пробормотала я.

Он прошёл внутрь комнаты, оставив дверь раскрытой. И я робко проследовала следом. Вопрос крутился на языке, а сердце щемило от того, что этого здоровенного, яркого грубияна я больше никогда не увижу…

Шикарный гостиничный номер в синих тонах больше был похож на квартиру: с маленькой кухонькой, объединённой со столовой, которая по зонам плавно переходила в гостиную. Была ещё одна дверь – в спальню. Я знаю, я тут всё проверяла перед тем, как он приехал. Но сейчас всё выглядело как-то иначе…

Джек взял со стола массивные часы и, надевая их на запястье, сказал:

– Да, согласен, тут ужасная конура!

Он, кажется, принял моё упавшее настроение за нечто другое. Хм…

– Поэтому к моему приезду подготовь варианты домов. Нужен двухэтажный, современный, квадратов двести-триста. Поблизости отсюда. Максимум минут пять-семь езды. Со двором и местом для парковки. Бассейн приветствуется.

Я вскинула на шефа поражённые глаза.

– Дом?

– Естественно! Я не привык жить у всех под носом.

– Значит, вы… вернётесь?

– Да ты, балерина, капитан-очевидность!

– Это хорошо, – только и смогла вымолвить я, тая от радости. – Это очень хорошо!

– О, – хмыкнул Джек, – а ты уже решила меня сбагрить?

– Диана, секретарь Абдурахмана, сказала… И почему только в один конец билет?

– Потому что когда все дела решу в Нью-Йорке, тогда и куплю обратный. Не люблю делать важные вещи, высунув язык. После отчёта перед советом директоров надо дать распоряжения по квартире, отправить в отпуск горничную и собрать вещи. Или ты хочешь, чтобы я обходился здесь парой летних брюк зимой? Я, что, идиот, как Наполеон?

– Значит, вы возвращаетесь надолго, – выдохнула счастливо я. Мне хотелось его расцеловать – нет, не по-настоящему, а просто чмокнуть благодарно в свежевыбритую щеку, ведь это значило, что зарплату я ещё буду получать долго. – Раз зимой…

Джек расхохотался.

– Эй, а почему ты явилась без блокнота, балерина? Распоряжения будешь на лоб себе записывать?

– Ой, простите, я не знала… – растерялась я.

– В спальне возьми на тумбочке, – громыхнул он. – Ручка тоже имеется.

Я открыла дверь и вошла в комнату с большой двуспальной кроватью. Белые простыни были вздыблены, словно только что здесь пробушевал ураган. На полу стоял рас-

крытый чемодан с аккуратно сложенными вещами, а на белоснежной наволочке – два ярко-рыжих волоса. Я уставилась на них, чувствуя вскипающую злость в груди. Ах, он… И она… Кулаки сжались.

– Балерина! – рявкнул шеф. – Ты прилечь решила? Мне присоединиться?

У какой гад!

Нахмурившись, я схватила блокнот с логотипом Оле-Ола, ручку с тумбочки и быстро покинула это логово разврата. Чуть не столкнулась с ним, глядящим лукаво и опять масляно! Бабник! Гуляка! Развратник… Вот!

– Я вас слушаю, – буркнула я с блокнотом на изготовку и отошла на безопасное расстояние.

– Так, про дом я уже сказал, – начал шеф. – Отчёты по продажам слать мне каждый день на электронную почту. Оформи мне и себе по служебной машине.

– Мне? – опешила я.

– Я говорю невнятно?!

– Но я водить не умею, и прав у меня нет…

Джек изумлённо вытаращился на меня.

– Как так?

– Незачем было…

– Фак! Значит, срочно учись. Мне нужна от тебя максимальная мобильность.

– Простите. – Я замялась. – Но пока я не получу зарплату, я не смогу записаться на курсы.

– Оформишь за счёт компании. Скажешь Батуру.

И он перешёл к куче новых заданий, словно дело было плёвое – вытребовать себе у злобного карлы Батура деньги. Я едва успевала записывать. Пора обзаводиться диктофоном. И подушкой на работе. В голове тикало от слишком разных эмоций.

Надо успокоиться, надо успокоиться, – говорила себе я, пока Джек расхаживал по комнате и раздавал приказы, в том числе дурацкие. Наконец, он остановился рядом.

– На этом всё. Вызови водителя, чтобы отвёз меня в аэропорт.

– Да, шеф.

– Будешь скучать?

Я смутилась.

Он шагнул ко мне. Показалось, или на самом деле обдало жаром? Джек смотрел сверху вниз, и во взгляде его было что-то странное. Я напряглась. Он оказался вплотную и опёрся ладонями о стену, заключив меня в ловушку. Я моргнула. В душе вскипело возмущение: он считает, что я стану ещё одной? Одной из многих? Сразу после секса с этой… «гитарой крашеной»?! Джек начал наклоняться, а мне очень захотелось залепить ему пощёчину. Но… Я просто присела и, поднырнув под его руку, спокойно выскользнула на свободу. Сделала пару шагов к окну и обернулась.

– А отчёты по продажам и стокам в прежней форме присылать или в новой, которую вы планировали ввести? – Го-

лос мой прозвучал ровно и по-деловому, словно ничего и не было.

Я подняла глаза на начальника. Он смотрел на меня с отвисшей челюстью и расширенными глазами. Да-да, пусть лучше расширяет, чем зажмуривается… Но мой поступок, видимо, настолько выбивался из принятого им стандарта, что Джеку ничего не оставалось, как пробормотать:

– В новой.

Я кивнула и направилась почти строевым шагом к выходу.

– Водитель придёт к вам через несколько минут. Удачной поездки, Джек!

Уже у двери я обернулась и улыбнулась широко и дружелюбно. Знай наших!

Глава 9

Как тихо и спокойно в нашем кабинете было без Джека! Хоть музыку включай. Я и включила негромко. В ноутбуке. Не верилось, что эти квадратные метры были моими целые… хм… сколько-то дней!

Я прошлась по периметру, чувствуя себя хозяйкой. По привычке всё разложила на столе босса. Заглянула в полупустой шкаф, выдвинула вперёд бутылку Блэк Лэйбла. Оказывается, именной – с подписью: «Из Китая с любовью и благодарностью! Мы продолжаем тренироваться…» Я хмыкнула, представив, как Джек спаивает китайцев.

Хо-хо, со мной его штучки не пройдут! Я вообще при нём спиртного в рот не возьму! Мою пра-прабабушку, между прочим, пытался споить сам Будённый, а она потихоньку сливала водку в фикус. В общем, растение окосело, бойцы тоже, а пра-прабабушка улизнула трезвая, как стёклышко, и спасла свою честь. У неё, кстати, волосы были пушистые, как у меня. Только длинные-длинные, почти до пола. И овал лица, и глаза тоже выразительные. Жаль, на старинном фото неясно, какого цвета.

В любом случае я пошла в неё, и потому не страшны нам ни американские медведи, ни Красная Армия!

От бумаг, лежащих стопкой на нижней полке, пахло крепкими сигаретами Джека – он сказал, что курит только Дан-

хилл. И в глубине на полке я обнаружила целую упаковку. Наверное, я скоро ими пропахну, если мы и дальше будем работать в одном кабинете. Не люблю запах сигарет, но этот почему-то не так раздражает, как дешёвое курево сестры.

Посреди огромного, полупустого кабинета я выдохнула, довольная, впервые чувствуя себя совершенно легко, без необходимости улыбаться «потому что», без тикающего в ушах хронометра до дэдлайна! Я могу быть собой в этой прекрасной компании! Без рыка, без летающих стульев, могу добавлять дни в табель посещаемости к зарплате без опасности за своё женское достоинство и без угрозы увольнения. Ура! Свобода попугаям!

Так глядишь, и продержусь до конца испытательного срока, а потом попробуйте меня турнуть! Я на досуге хорошо изучила Трудовое право.

Но сейчас я даже подпрыгнула от радости и, крутанувшись, сделала сложное танцевальное па – до сих пор жаль, что танцовщицы из меня не вышло. А в балетной школе я подавала большие надежды. И в музыкальной тоже… Но наша семья разрушилась, и оказалось не до творчества.

Я набрала по внутреннему телефону Лали и Риту. Пригласила их на кофе. Они прибежали быстро. Вместе с шоколадкой, куском торта и горящим любопытством в глазах.

– Это Олег-закупщик празднует, – сказала Лали. – Угощайся.

– Надо его поздравить, – пробормотала я. – Хотя, если

честно, я не знаю, кто это.

– Да не парься! – махнула рукой Рита. – У нас компания большая, всех знать невозможно. А тортик вкусный.

«Интересно, – вдруг подумалось мне, – а как Джек называет всех этих неизвестных ему людей, здания, машины, склады одним словом – „моя компания“, и ничуть не смущается? Как можно вот так запросто чувствовать себя хозяином всего и вся?! Мне вот и кабинета с головой хватало. Наверное, с имперскими замашками нужно родиться…»

– Говорят, твой шеф вчера на совещании заехал Кораю в глаз, – сообщила заговорщическим шёпотом Рита. – Все ждут, когда директор по производству явится, а его нет и нет.

– Ого!

Лали закивала активно:

– Да-да, Корай взял отгул. А Кирилл, как сказала Люся с ресепшена, бегал с собрания за льдом в кафе-бар.

– Диана говорит, что твой сумасшедший Джек не вернётся уже. Мол, Абдурахман поставил его на место.

Я показала блокнот со списком заданий на несколько страниц.

– Это ей так хочется верить. Вот сколько мне всего напоручал. Просто у него дела в Нью-Йорке, и он не любит ограничивать себя временем.

– Да он монстр! – Девчонки пробежались глазами по пунктам и вытаращились на меня с сочувствием и восхищением. – Как ты-то с ним работаешь?! Наверное, на рабо-

ту, как на казнь?

– Да нет… – Я пожала плечами и ощутила некоторую гордость: в их глазах я выглядела храброй рыцаршей, в обязанности которой входило кормление злого дракона мясом с копья и почёсывание за ушком, чтобы не спалил близлежащие деревни.

– А сам Кирилл не пострадал? – всё-таки обеспокоилась я.

– Нет вроде, – проговорила Лали, – видела его утром. Целый. Но, знаешь, впервые на моей памяти он выглядел таким пришибленным.

– Ну, он не один такой сегодня, – заметила Рита. – На кого из менеджеров ни взглянешь, кажется, выжившие после авиакатастрофы. Или не очень выжившие… Как Корай.

Мы похихикали. И, пользуясь случаем, я стала расспрашивать о руководящем составе. В конце концов, раз мы с шефом остаёмся, надо собирать информацию.

– Забавно, на днях Джек назвал Корая вашим сиятельством… – сказала я и отпила маленький глоток кофе.

– Ничего забавного, – гортанно парировала Рита. Она на всё отвечала резковато, но судя по её безотказной помощи была очень доброй натурой. – Потому что Корай – настоящий князь. Черкесский. Его семья бежала из Российской Империи в Турцию, когда шёл захват адыгской территории. В 1800-х.

– Ничего себе!

– Да-да, – подтвердила Лали, – он до сих пор не любит

русских. Корай же как бы шеф моего шефа, так вот он рассказал, что где-то в районе нынешнего Сочи у них были обширные земли и даже замок.

– Отвоёвывать приехал?

– Вполне возможно, – ответила Рита. – Хотя бы с Оле-Олой. Но теперь уже придётся не у русских, а у американцев.

– То есть война в компании всё-таки будет. А Батур, финансовый? – поинтересовалась я. – Уж не из падишахов ли?

– Нет, – засмеялись девчонки. – Но из очень богатой семьи. Говорят, у них престижно ехать работать в Россию – опыт работы учитывается чуть ли не как в боевых условиях, и зарплаты тут гораздо больше. Это как бы секрет, но, – Лали перешла на шёпот, – директора получают что-то около десяти тысяч долларов.

– В год? – поперхнулась я.

– В месяц.

– О! – В моей голове защёлкал калькулятор, всплыл курс доллара и нолики-нолики-нолики. А я, наивная, думала, что у меня огромная зарплата… – И русские менеджеры тоже?

– Неа, только экспаты. Русские на порядок меньше. Кстати, Батур типа гений, – добавила Рита. – Ему только двадцать шесть, а он уже финансовый директор. Человек-мозг.

– Я его побаиваюсь, – честно призналась я, чем вызвала взрыв хохота у коллег.

– Значит, этого бешеного гиганта, мечущего стулья, ты не боишься, а маленького-пузатенького Батура – да?

– Ну, вид у него очень недружелюбный. И коварный.

– Коварный у нас Абдурахман, генеральный директор, – посвятила меня в тайну Лали. – С ним можно только смиренно улыбаться, говорить: «Да, сэр» и быстро делать ноги. Этот не только русских не любит, но и людей вообще. За не тот взгляд уволить может. Бывало такое…

– И секретаря себе соответствующего нашёл, – заметила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.